

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 4

1984

Борис ПРИВАЛОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХОРОШО СШИТОГО КОСТЮМА**

Борис ПРИВАЛОВ

**НЕОБЫЧАЙНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХОРОШО СШИТОГО
КОСТЮМА**

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Борис ПРИВАЛОВ

Борис Авксентьевич Привалов родился 29 февраля 1924 года. Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, работал во Всесоюзном радиокомитете. По окончании Литературного института имени А. М. Горького — на профессиональной писательской и журналистской работе.

В СССР и за рубежом издано более шестидесяти книг Бориса Привалова — романы, повести, сборники рассказов и фельетонов, очерки. Сорок лет отдано писателем исследованиям в области юмористического и сатирического фольклора народов СССР. Перу Бориса Привалова принадлежит также ряд драматургических произведений (пьес, киносценариев), переводов. Он один из создателей шестнадцатисерийного киноромана «Огненные дороги» («Хамза»), который с успехом демонстрировался на телеэкранах Советского Союза и многих других стран.

Борис Привалов — член СП СССР, Союза кинематографистов СССР, Союза журналистов СССР, лауреат советских и международных конкурсов и фестивалей сатиры и юмора.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХОРОШО СШИТОГО КОСТЮМА

Стены у новостройки были совершенно прозрачные — в архитектурных кулуарах такой стиль называется «без задних мыслей».

Сначала в стеклянный куб поместили «Салон красоты», но клиентам почему-то не нравилось красить на глазах публики, и они ушли в старомодные непрозрачные Салоны.

Потом в доме-аквариуме поселилось «Женское легкое платье». Когда заказчицы приходили на примерку, то на тротуаре собиралась толпа, которая перегораживала улицу. Шли азартные споры о том, кто из примеряющих лучше: длиннобедрая блондинка, которая никак не втиснется в полосатый костюмчик-тельняшку, или брюнетка с аэродинамическим бюстом, на которую время от времени набрасывают что-то цветастое?

В конце концов заказчицам надоело заниматься стриптизом, и, к неопишуемой радости регулировщиков уличного движения, «Женское легкое платье» перестало выполнять план: слоняющиеся без дела закройщицы никакого интереса для прохожих не представляли.

Из-за своей прозрачности «Женское легкое платье» полгода работало в убыток, и его перекантовали в «Ателье мужских мод»: переодевающиеся мужчины особого внимания публики не привлекали. «Загадка человеческой психологии!» — как выразился по этому поводу один из милиционеров-орудовцев.

...Когда Мартын Крошечкин решил к свадьбе сшить новый костюм, то он, не колеблясь, направился в ателье-аквариум.

Отрез Мартыну подарили еще год назад вскладчину сослуживцы — ко дню рождения. Три с половиной метра ультрасинтетического материала «стальная радуга», немнущегося и все — начиная с простой воды и кончая самой ехидной масляной краской — отталкивающего. (Во всяком случае ходили слухи, что именно эти слова содержала наклеенная прямо на отрез рекламная листовка, которую никто из учрежденческих полиглотов перевести не смог.)

...— И где люди берут такую красоту, берут? — удивился закройщик, нежно погладил материал и аж зачмокал от удовольствия. Маленький, узкоплечий, с усиками, расчесанными на прямой пробор,

закройщик, размахивая сантиметром, как лассо, ухитрился в несколько мгновений измерить жениха вдоль и поперек.

— И сделаем, дорогой товарищ,— сказал он.— Пожалуйста в среду на примерочку, пожалуйста.

На примерке закройщик вращался вокруг монументального Мартына, как спутник вокруг планеты.

— Костюмчик будет сидеть, как влитой, будет,— бормотал закройщик, хищно шевеля усами.— Товарищ заведующий! — вдруг крикнул он.— На минуточку!

В примерочную кабину втиснулся толстяк в тюбетейке цвета терракоты — казалось, что ему на затылок поставили сургучовую печать.

Заведующий излучал профессиональное обаяние, свойственное человеку, привыкшему регулировать конфликты. Кроме того, он к месту и ни к месту вставлял слово «ателье», произнося последнее «е», как «ё».

— Рад вас видеть в нашем ательё. У нас с клиентами мир — дружба, закройщик заказчику самый настоящий друг, товарищ и брат. Как положено.

Фрагменты будущего костюма, сметанные на живую нитку, вызвали у заведующего приступ умиления.

— Молодец! — проговорил он и потрепал закройщика по плохо выбритому загривку.— Даешь настоящий продукт! Дианочка, взгляни!

В примерочную просунулась средних лет женская головка. Импортные темно-фиолетовые ресницы скрывали большую часть лица. Дианочка взмахнула ими, и в кабине сразу повеял легкий ресничный бриз.

— Вы перепрыгнули сами через себя! — уверенно заявила Дианочка закройщику.— Линии... пропорции... это как скрипка Страдивариуса.

Мартын чувствовал себя голым королем: кроме правого рукава, плеча и какого-то лоскута на груди, он ничего не видел.

— Вторая примерочка через неделю, вторая,— объявил закройщик.

Однако вторая примерка не состоялась.

— Поздравляю вас, дорогой товарищ клиент! — сказал заведующий, обнимая Мартына, как родное дитя.— Примерки не будет. Костюм уже готов.

— Таких шедевров я в жизни не видела! — доверительно призналась Дианочка.— А я кое-что видела в жизни, можете быть уверены.

— Давайте его сюда! — радостно произнес Мартын.— Я сейчас же в него, родимого, облачусь! Где он?

— И где может быть такая вещь и где? — воскликнул закройщик. — Только не умирайте от радости — на республиканской выставке! Экспонат номер раз, хотя числится в каталоге как 3267!

— Но у меня свадьба... — только и смог выговорить Мартын.

— Дело не в свадьбе! — закричал закройщик, мелко подпрыгивая от распирающего его энтузиазма. — Наш коллектив будет отмечен премией, мы станем лауреатами — я и ваш костюмчик! Вот дело в чем, вот!

— А я требую свой заказ! — закричал Мартын. — Какое мне дело до вашей выставки!

— Почему «нашей»?! — ахнул заведующий. — Это республиканский смотр! Из личных побуждений вы хотите подвести целый коллектив?! Отложите свадьбу до окончания выставки — только и всего.

— А вы получите приз, — сказал Мартын, — и потом костюм пошлют на Всесоюзную выставку, оттуда — чем черт не шутит — в какую-нибудь за границу?! А мне что ж прикажете в холостяках ходить?

— В Канаду мы, пожалуй, опоздали, в Австралию тоже, — задумчиво произнес заведующий, — а на Всесоюзную имеем все шансы...

— И вообще можете бракосочетаться в старом, — Дианочка решительно взмахнула ресницами, и по залу промчался ветер. — Неужели она вас из-за костюма полюбила?

— У нас любовь с первого взгляда, мы встретились на пляже, так что костюм тут ни при чем, — сказал Мартын. — Но свадьба...

— У вас свадьба, а у нас судьба. Судьба целого ателье! — щупая сургучовую печать на макушке, произнес заведующий. — Нельзя быть таким себялюбцем!

— Всю мою карьеру рушите, всю! — застонал закройщик.

— Все мужчины эгоисты! — убежденно заявила Дианочка.

— Я выкуплю у вас костюм, выкуплю! — предложил закройщик. — Дай любую сумму!

— Неужели я так похож на спекулянта? — грустно спросил Мартын.

— Так я же ценю свой труд, а не ваш кусок ширпотреба цену! — воскликнул закройщик. — Труд — вот главное. «Капитал» нужно читать, «Капитал»!

— Ладно, — капитулировал Мартын. — Пусть костюм побудет экспонатом. Но с неперемным условием: добыть его мне на сутки. Только на свадьбу.

Заверения Мартына в том, что сохранность экспоната он гарантирует, приняты не были: пришлось закройщика и заведующего пригласить на свадьбу в качестве костюмохранителей.

Прием, который неожиданные гости применили к жениху, в спорте именуется прессингом. Представители ателье, заботясь о сохранности драгоценного экспоната, не давали Мартыну и шага сделать одному. Справа все время находился закройщик, слева — заведующий.

Даже за свадебным столом заведующий ухитрился так втиснуться между женихом и невестой, что при криках «горько» вознамерился было передавать поцелуй туда и обратно. Но тут, впервые за день, жених проявил принципиальность.

Когда же один из родственников случайно уронил ложку в салат и с блюда полетели майонезные брызги, то закройщик, растопырив полы своего бежевого смокинга (так курица, охраняющая цыплят от врага, распахивает крылья), прикрыл жениха.

А когда откупоривали шампанское, то оба костюмных стража выстроили, как говорят футболисты, стенку: самоотверженно загородили Мартына своими телами.

Однако благодаря усилиям неотразимых подруг невесты представители ателье довольно скоро притупили бдительность. Первым лихо заглотал рюмку коньяку заведующий, за ним последовал закройщик. Через час они оба влились в дружный коллектив гостей и хором пели позднего Вертинского, раннего Окуджаву и среднего Фельцмана.

На рассвете, когда костюм был привезен заведующим и закройщиком в ателье (сам жених почему-то не захотел выходить из спальни), то первой, кто познала всю глубину свершившегося, была Дианочка, которая, сгорая от волнения, всю ночь продежурила на боевом посту.

— Вас споили тамошние красотки! — воскликнула она, развернув экспонат. — Вы пропили свое лауреатство! Все мужчины одинаковы — или рюмка, или женщины. А если и то и другое вместе — дело кончается худо!

Да, дела принимали плохой оборот: на знаменитой всеотталкивающей ткани чуть пониже правого лацкана красовалось винное пятно, своими очертаниями точно повторяющее Крымский полуостров. Особенно отчетливо просматривалась Арабская стрелка.

— Считайте меня пенсионером, — сказал заведующий, хватаясь за тютюбейку, как утопающий за соломинку. — Мой путь окончен!

— Я лично погиб, я! — пробормотал закройщик. — Клянусь, жених сделал это нарочно, чтоб оставить костюм у себя, клянусь!

— Красное напареули, — понюхав пятно, определила Дианочка. — Это очень плохо.

— Я лично больше люблю саперави, — в прострации молвил закройщик.

— Господи, как мужчины глупеют без похмеля! — рассердилась Дианочка, поднимая ресницами бурю. — Ведь пятна от саперави выводятся, а от напареули нет. Это аксиома!

— Что это за свадьба, где коньяка не хватает и нужно заливать тоску по холостой жизни красным вином? — простонал заведующий.

— Спасите нас, Дианочка! — опускаясь на колени, взмолился закройщик. — Вы все можете, вы все умеете! У вас такие связи в различных областях жизни, связи!

— Хорошо, — сказала Дианочка. — Только ради славы нашего ателье. И чтобы еще раз доказать: женщина смысленнее мужчины. Я позволю заведующему химчистки № 53 Гогусю.

— Это же самая халтурная организация! — вскочил на ноги закройщик. — Они пыль с брюк не умеют стряхнуть!

— Я знаю, на какую мозоль ему наступить, — пояснила Дианочка, берясь за телефонную трубку. — Их коллективу тоже хочется иметь шанс, понятно?

Гогусь, видимо, еще спал — в трубке долго слышались длинные гудки.

— Не сердись, что разбудила, — сказала Дианочка. — Есть дело. Тебя больше не будут клевать в многотиражке и на совещаниях. Вы имеете шанс стать лауреатами. Не хихикай так пошло, Гогуся! Кто и за что вас будет хвалить? Ага, ты уже проснулся и заинтересовался! Так вот: наш Дом мод объявляет смотр-конкурс по выведению клякс — пятен с синтетических тканей. Ты можешь установить мировой рекорд: сведи сегодня утром пятно с костюма. Красное напареули. Не хихикай, Гогус! Подумай, как вас будут носить на руках! Ладно, я пришлю... Спи дальше!

— Вот ведь мазурики, все умеют делать, если захотят, все, — сказал закройщик.

— Вы тоже, если мне не изменяет память, создали шедевр, когда узнали, что грядет выставка? — невинно произнесла Дианочка.

— И еще создам! К следующей выставке, к следующей!

— Бедные заказчики, разве они виноваты, что их больше, чем выставок?! — взмахнула ресницами Дианочка.

...Гогусь за час с небольшим совершил рукотворное чудо: Крымский полуостров исчез с лацкана экспоната.

— Только, извиняюсь, костюмчик слегка изменил оттенок, — предупредил он заказчиков. — По-моему, извиняюсь, даже к лучшему: поглядите, как переливаются светотени! Игра фанатизмов! Я могу, извиняюсь, надеяться на призовое место?

— Безусловно, — подтвердил заведующий. — Грамота и ценный приз.

— Кажется, наша премия тоже в порядке, — пробормотал закройщик, — кажется...

Он оказался прав: костюм получил диплом и в придачу некоторую сумму премиальных. Заодно сбылись и самые худшие опасения Мартына: лауреатские пиджак и брюки зашагали выше — на Всесоюзную выставку.

И тут на помощь молодому супругу пришел Его Величество Случай.

Жена Мартына, прочитав в газете о новорожденном чародее из химчистки № 53, решила доверить ему свое свадебное платье, на котором обнаружилось несколько мелких пятнышек неизвестного происхождения.

— Извиняюсь, но это опять напареули! — ужаснулся Гогусь. — Очень извиняюсь, сугубо между нами, но напареули с этой материи даже я не смогу свести. Вашему мужу я помог, да. Но тут, извиняюсь, был небольшой трюк. Я окунул в напареули весь костюм, целиком. Материал несколько, правда, изменил оттенок, но пятно слилось с общим колером. А ваше белое платье... извиняюсь... вы меня понимаете?

— Спасен! — заявил Мартын, когда жена рассказала ему о признании Гогуся. — Теперь я получу костюм! — И он помчался в Выставочный комитет.

Если бы заведующий ателье и закройщик-лауреат были на месте, то они бы, может, снова уговорили бы сердобольного Мартына потерпеть еще месяц-другой. Но они, получив премиальные, взяли отпуска и уехали отдыхать. Поэтому молодой супруг без всяких препятствий прибыл в дирекцию Выставки, где заявил, что экспонат № 3267 представляет собой вещь, бывшую в употреблении, и поэтому, согласно правилу, экспонированию не подлежит.

Представитель жюри приказал представить пред ясные очи своих коллег злополучный костюм.

Пиджак и брюки тонко, призывно пахли марочным сухим вином.

— Мда-а, — многозначительно покрутил носом председатель и так внимательно оглядел членов жюри, словно хотел выяснить, нет ли у кого с собой закуски.

...Вечером жена облачила Мартына в новый костюм и повела в театр.

Пьеса была скучная, в ней мусолился вопрос о нехватке закройщиков, о том, как трудно сейчас сшить хороший костюм.

— Драматург не знает жизни, — заявил в антракте Мартын. — Видно, по привычке все еще шьет свои костюмы у частника на дому и платит ему втридорога.

— У нас-то, вообще, хорошо умеют шить, — сказала жена, ревниво оглядывая близстоящих женщин. — Могут ведь, все могут, только заказчик должен быть бдительным, не таким тупой, как ты...

И она ласково пощекотала мужа за ухом.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ *

Управляющий конторой «Облспросбытснаб» Буженинов получил распоряжение сверху: «В связи с необходимостью уменьшить расходы на содержание аппарата предлагается сократить штат вверенного Вам учреждения на I (одну) единицу».

* Рассказ написан в соавторстве с Б. Егоровым.

— Уф! — облегченно вздохнул Буженинов. — Не такие сокращения переживали.

Сняв трубку телефона, он сообщил новость начальнику отдела кадров Степанчуку.

— На одну?! — радостно воскликнул Степанчук. — Это шутя. Вот хотя бы...

— Тс-с! — зашипел Буженинов. — Никаких предложений! А то еще услышит кто, и начнется паника...

— Тогда я сейчас к вам...

— Не торопись, не надо. Если начальник с кадровиком запираются в кабинете, это у подчиненных вызывает нездоровый интерес. Лучше после работы вместе пойдем домой и по дороге все обсудим.

...Буженинов и Степанчук неторопливо шли по городу. Погода настолько располагала к отдыху, что в сквере собеседники решили посидеть. Свободное место оказалось найти нелегко: все скамейки были заняты пенсионерами. Одни читали приключенческие романы из серии Воениздата, другие питались захваченными из дому бутербродами, третьи обсуждали международные вопросы, четвертые увлеченно сражались в шахматы.

— Им хорошо! — завистливо произнес Степанчук. — Их уже никто не сократит. А мне до пенсионного возраста осталось ровно пятнадцать лет, четыре месяца и три дня...

— Так кого же... того... предупреждать за две недели? — спросил Буженинов, опустившись на скамейку. — Всех перебрал — и все вроде нужны. Изучение спроса, сбыта и снабжения не фунт дым! Сколько в нашем министерстве предприятий, и с каждым надо связь держать, сводки и заявки собирать, наверх посылать! Так кого же все-таки, а? — Буженинов закурил сигарету и пустил кольцо дыма. Кольцо разорвалось и стало похожим на вопросительный знак.

— Ничего затруднительного не вижу, — заметил Степанчук. — Сократим курьера. Тетю Дусю. Вот и все. Повестка дня исчерпана.

Степанчук был человеком находчивым, решения принимал быстро, и в его устах они звучали убедительно, как аксиомы.

— Молодец! — выдержав некоторую паузу, ответил Буженинов. — Выход простой и безболезненный...

Буженинов выпустил три шарика дыма, и они повисли в воздухе, как многоточие.

— Ну что? По домам? — предложил управляющий.

Он хотел было встать, но, обернувшись к Степанчуку, увидел, что лицо его собеседника сильно побледнело.

— Что с тобой?

— Цеп... цепная реакция получается, — пробормотал начкадрами. — Смотрите!

Степанчук нагнулся, поднял прут и набросал им на песке схему конторы: сверху — дирекция, затем от нее, словно рожденные

почкованием, канцелярия, отдел кадров, отдел сбыта, бухгалтерия, машинописное бюро и прочие.

— Не понимаю, — сказал Буженинов, посмотрев на чертеж. — Где же цепная реакция?

— А вот тут, — ткнул прутиком в самую крайнюю точку схемы Степанчук. — Мы сокращаем тетю Дусю. Но раз курьера нет, то зачем экспедитор? Ведь экспедитор принимает у курьера конверты или передает их; отвечает за разносную книгу, с которой бегают курьер; контролирует его трудовую дисциплину, следит, чтобы тот весь день был на ногах и не заходил к знакомым на чай.

— Ты что, экспедитора тоже хочешь... того? — спросил Буженинов. — Ну, давай дальше.

— Дальше хуже. Раз нет курьера и экспедитора, к чему начальник канцелярии? Начальник канцелярии выдает экспедитору разносные книги, снабжает его конвертами и бланками, требует от него четкой и оперативной работы. Если мы увольняем курьера и экспедитора, в канцелярии остаются только две секретарши: ваша и вашего заместителя. Они и без начальника обойдутся. Одна будет за старшую...

Буженинов начинал нервничать. Не докурив до конца сигарету, он через плечо кинул ее на газон и зажег новую; дым повалил от него, как из трубы.

— А кто же будет обеспечивать машбюро канцбумпринадлежностями? — спросил он. — Ведь это тоже входило в обязанности начальника канцелярии...

— Прежде чем отвечать на этот вопрос, я задам вам другой: нужно ли вообще нам машбюро: Зиночка, Линочка, Клавочка и Вавочка? Ведь чем они занимаются? Пишут бумаги, которые отдел спроса адресует в отдел сбыта; переписывают сводки, которые отдел сбыта направляет в отдел спроса... Внутренняя переписка. Если машбюро исчезнет, переписка прекратится...

— А отделы тоже прекратятся?

— И отделы. Их надо слить в один. Сам себе письма писать не будешь...

— Интересно! — Управляющий взял с земли другой прутик и начал тыкать им, как указкой, в схему на песке. — Упразднили весь этот угол. Ну, а дальше?

— Может, дальше не стоит? — неожиданно предложил Степанчук. — Может, домой пойдем? Сами понимаете: если так рассуждать будем, не известно, до чего дойдем...

— Что за разговоры! — возмущился Буженинов, гневно дымя сигаретой. — Надкусил и бросил?! Нет уж, кусай до конца!

— Пожалуйста, — охотно вильнул прутиком Степанчук.

Цепная реакция распространялась со страшной силой. Одна за другой отсекались ветви штатно-иерархического древа. Освобождение одного работника влекло за собой увольнение других: ведь они были взаимозависимы и давали работу друг другу.

Исчезло несколько начальников — уменьшилось число шоферов. Отпала надобность в начальнике гаража. Количество работников сократилось настолько, что не было надобности содержать в бухгалтерии счетоводов. На глазах усов отдел кадров, понеся тяжелые потери в лице заместителя начальника и двух инспекторов. Освободились все комнаты первого этажа и половина второго. Это повлекло ликвидацию штатных единиц коменданта здания, дворника, вахтера и слесаря по сейфам.

Поскольку выяснилось, что вопросы изучения спроса и сбыта можно объединить в одном отделе, то и масштабы его деятельности сократились до микроскопических размеров: отпала нужда в обширной переписке и широких согласованиях. Возникла необходимость уволить всех работников отдела, кроме заведующего. Тогда встал вопрос: а зачем заведующий?

Реформаторы вошли в азарт. Прутики, как карающие мечи, залетали над исчерченной и перекрещенной схемой конторы.

После десятого тура от разгрома уцелело всего несколько человек: управляющий, его секретарша, заместитель, начальник отдела кадров, бухгалтер, кассир и шофер. Но и в этом потрепанном составе контора существовала недолго. На семь человек иметь бухгалтера — слишком жирно. Пусть все делает один кассир. Остаются шесть. А разве заместитель при шести строго необходим? Явное штатное излишество. Секретарша — тоже излишество. Кого она будет вызывать к управляющему? Шофера? Кстати, такой малочисленной организации машину иметь все равно не разрешат...

Значит, кассир будет заботиться о личном бюджете только двух единиц: управляющего и начальника отдела кадров?

— Он, собственно и не нужен уже, — заключил Степанчук. — Нас могут прикрепить к главку, и зарплату мы будем получать там.

Это предложение вызвало такой смех у Буженинова, что он чуть не подавился дымом, и из глаз его потекли слезы, большие, частые, словно рассчитанные на киносъемку.

— Степанчук, дорогуша, кто это мы? Ты-то тут к чему?

— Как? Вы мой кадр...

— Какой я твой? Я номенклатура. Чудак! Не ты же меня подбираешь!

— А что вы смеетесь, товарищ Буженинов? — мстительно сказал начкадрами. — Из всего штата сохранились только вы, управляющий. Чем же вы будете управлять? Генерал без армии... Единственно, что вы должны будете делать, — это ездить, собирать сводки, заявки и отвозить их выше...

Глаза Буженинова стали стеклянными. От растерянности он уронил сигарету на колени, и брюки его задымались.

— Как? — сказал он тоном беззащитного и обездоленного существа. — Я стану тетей Дусей?

— Тогда и вы не нужны! И вывеска конторы не нужна! Вас можно просто передать в главк... Я же предупреждал! Я же говорил, что из этого получится.

Степанчук сломал прутик и отбросил его подальше. Потом старательно затер башмаком схему конторы. Конторы больше не было. Был чистый, ровный песок...

Буженинов опасливо огляделся по сторонам: не подслушивал ли кто их горячий разговор?

Но пенсионеры безмятежно сидели на своих местах. Те, кто прежде питался, теперь обсуждали международную политику, а те, кто раньше обсуждал, теперь питались. А шахматисты по-прежнему были погружены в свои клетчатые черно-белые мысли.

— Так как же насчет тети Дуси? — нарушил молчание Степанчук.

— Никого не сокращать! — металлическим голосом сказал Буженинов. — Ни единого винтика! Контора работает, как механизм, и пусть работает. Мы не позволим разрушать наш передовой коллектив! Ясно? И заготовь бумагу: ни одной штатной единицы не уступлю! Буду биться, как дракон, как сто драконов!

ЧУТКОЕ ОТНОШЕНИЕ

На стоянке такси очереди не было. Такси, впрочем, тоже. Я встал возле оранжевой тумбы. Первым. Чувствовал себя зерном, из которого должна прорасти очередь. Через несколько секунд на стоянке почти одновременно появились трое мужчин. Увидели друг друга, обрадовались, затолкались, как школьники на морозе.

Меня они, конечно, не знали, но я-то их сразу узнал: писатели — поэт, прозаик и драматург. Фамилии их называть не стоит: они и без того достаточно известны.

— Черт знает что творится! — громогласно возмущался Прозаик. — Целые дни мы торопимся, мчимся, спешим! Только вот при оказии какой-нибудь и перемолвшись словом со старыми приятелями!

— Последний раз мы с тобой беседовали летом на эскалаторе метро. Ты ехал вниз, я — вверх! — вспомнил Поэт.

— Представляю ваш искрометный диалог! — усмехнулся Драматург. — «Вася, как здоровье, как делишки?» «Конечно, Петя, конечно! Звони-и-и!» Да, о движении — очередь-то наша будто примерзла? Минут десять назад — из окна видел — тут был сплошной «зеленый горошек». А сейчас, как корова языком слизнула! Ох, опаздываю... У меня совещание, серьезное.

— Кстаги, о серьезном, — молвил Прозаик. — Ведь сейчас опять разбежимся в разные стороны, не успеем словом переброситься. Как они идут, дела-то?

Поэт и Драматург дружно вздохнули.

— Ясно,— подытожил Прозаик.— И жаловаться грех, и не жаловаться грех.

— Уж кому жаловаться, так не тебе,— сказал Драматург.— Слухом земля полнится — тебя в какую-то редколлегию ввели. Не то альманаха, не то...

— Не то, не то! — замахал кожаными рукавичками Прозаик.— Слух, верно, был, да сплыл. Меня, действительно, долго уговаривали поработать в журнале «Новь». Я, понятно, отпихивался — дескать, своих дел невпроворот да еще роман нужно дописывать. «Введем, говорят, в редколлегию, дадим четыре творческих дня — сиди дома». Грешен — согласился. Иду на следующий день к редактору, а он мечется по кабинету, как хищник с нечистой совестью. И произносит на бегу различные абсурдно-абстрактные фразы: «Я тебя люблю... критика любит... сам понимаешь, чуткость... одним словом, литература требует жертв... всякое бывает... пережили Великую Отечественную войну, переживем и Маракарова...»

— При чем тут Маракаров? — удивился Драматург.— Такое имя в солидном идейно выдержанном журнале и произносить-то неприлично.

— Именно Маракарова ввели вместо меня в редколлегию! — воскликнул Прозаик.— Об этом мне и хотел сообщить редактор!

— Маракаров! — охнул Поэт.— Но почему? Где тут логика?

— Есть тут и логика. Но в основном преобладает чуткость,— продолжал Прозаик.— Редактор объяснил мне весь этот казус так. Ты, мол, человек известных взглядов, устоявшейся репутации, тебя уважают, печатают, читают. А Маракаров легковесен, конъюнктурщик, скандалист, и к тому же у него душевная травма: с третьей женой разошелся...

— Не будем сплетниками,— строго произнес Драматург.— Со второй.

— Тем более. Редактор так сказал: «Если не проявить чуткости, не ввести Маракарова в здоровый коллектив, то можно его просмотреть, потерять. Совсем того и гляди переключится на очернение действительности, а потом возьмет да еще не раз и женится. Предлагаю ему простым сотрудником в журнал идти — отказался. Хочет членом редколлегии! Ну, прямо сказка о рыбаке и рыбке!»

— Что же ты сделал? — спросил Поэт.

— Так я же морально устойчивый, не скандалист, душевной травмы еще не нажил! Поднялся с кресел, да и пошел домой. Роман дописываю.

— Маракаровы блаженствуют на свете! — махнул рукой Драматург.— Если бы Маракаров стоял тут, в очереди, держу пари — такси подошло бы сразу! А нам ни в чем отрады нет!

— Что тебе-то нужно? — удивился Поэт.— Пьесы твои все хвалят, они идут повсюду — и ты еще вздохи издаешь!

Прихожу в издательство и узнаю: мою книгу перенесли из плана этого года в план будущего. Почему? Рецензии — лучше не надо, книготорг берет тираж и так далее. Оказывается, виной всему все та же чуткость. Именно в порядке срочного проявления чуткости меня заменили в плане Халупкиным!

— Халупкиным?! — схватился за свою шляпу-пирожок Прозаик.

— Этот деятель похлеще Кулькина и его жены, вместе взятых! — усмехнулся Драматург.

— Верно, — продолжал Поэт, — хуже. «Тем более нужна повышенная чуткость, — сказали мне. — Пусть Халупкин все видит в черном цвете, пусть он пессимист и у него проскальзывают чуждые тенденции — пусть! Но когда к читателю придут миллионным тиражом Халупкинские стихи, то все поймут, что Халупкин — не Пушкин. Надо Халупкина включить в хрестоматии и учебники — пусть все узнают, что он и не Лермонтов. А когда это даже детям станет ясно, то Халупкину некуда будет деваться и он сдаст в утиль свои заблуждения и отклонения». Вот какова логика чуткости!

— Тебя, конечно, перенесли на другой год? — догадался Драматург.

— Да, говорят, что мне спешить некуда, что я не гнию на корню, что я идейно доросший и на меня можно положиться. Я не сплзу, не отклонюсь, не заблужусь...

— Послушайте, братцы! — сказал Прозаик. — Дело же обстоит элементарно просто! Идея! Эврика! Предлагаю вот что...

Но в это время подошло такси, и мне пришлось уехать, не узнав гениальную идею Прозаика.

Недели через две я встретил одного друга, который хотя сам и не причастен к литературе, но знает всех литераторов, как мать своих детишек, и посвящен во все закулисные, подкулисные, надкулисные и прочие тайны.

Я рассказал ему о разговоре на остановке такси, и мой всезнающий друг радостно воскликнул:

— А я-то, дурак, голову ломал! Ты знаешь, на той неделе Прозаик выступил в газетах с двумя «незрелыми и ошибочными», как их оценили, статьями! Поэт на очередном вечере поэзии прочел такие вещи, что сам Халупкин позеленел от зависти. А Драматург забрал из театра уже принятую к постановке героическую пьесу, сделал из нее пошлейшую мелодраму, и теперь ее будут сто театров играть, а двести критиков ругать. Говорят, даже из самого Бюргербурга ему уже прислал по этому поводу приветствие какой-то ночной клуб...

...Еще через две недели я узнал от своего друга-всезнайки, что Драматург с женой едет за границу, одномомник Поэта вновь включили в план издательства, а Прозаика ввели сразу в две редколлегии.

Наконец-то и к ним отнеслись чутко!

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

1. Ценный специалист

Новый начальник главка, товарищ Раджапов, всем сразу понравился: обходителен, решителен, задорен, дело знает глубоко. Но одно обстоятельство показалось удивительным: он в первый же день приехал в главк с каким-то толстым, круглолицым, неопрятным мужикой, который был к тому же слегка навеселе.

— Поработаем! — воскликнул толстяк, окидывая взглядом здание. — Здесь есть где развернуться!

И он радостно потер ладонью о ладонь.

К вечеру выяснилось, что товарищ Раджапов назначил толстяка заведующим диспетчерским пунктом.

— Вы знаете, сколько трудов мне стоило заполучить к нам этого человека? — доверительно сказал Раджапов своему заместителю.

— Мне он не понравился! — откровенно заявил заместитель. — Простите, может быть, это ваш друг, но он похож на забулдыгу.

Начальник главка рассмеялся:

— Его лично я знаю совсем недавно. Но у него такие рекомендации!

— Хороший работник?

— Никудышный! Никогда нигде ничего не делал. Но незаменим.

— Ребусами разговариваете, — пожал плечами заместитель.

— У этого бездельника гениальный нюх на те должности, где нечего делать. Чтобы, значит, оклад шел, а работы — никакой. Один мой друг, директор треста, всю жизнь таскал этого типа с собой. Как магнит указывает скрытое в земле железо, так этот гражданин находит себе легкую работенку. Сегодня он походил-побродил по главку, приходит и просит: «Назначьте меня диспетчером!» Кстати, что делает диспетчер?

— Да фактически ничего. Осталась эта должность от какого-то старого штатного расписания, — объяснил заместитель.

— Ну, вот видите! — вздохнул Раджапов. — Будем ее ликвидировать. А нашему лентяю предложим выбрать что-нибудь другое. Вы знаете, мой друг, директор труда за десять лет сэкономил государству

на ликвидации ненужных должностей почти миллион рублей! Вот почему так ценят этого — вы, кстати, довольно точно его назвали — забулдыгу. Да, бездельник и забулдыга, но ценный специалист! Он нам еще очень и очень пригодится! Надеюсь, правда, в заместители ко мне он проситься не будет, как вы думаете?

2. Слон и Моськин

По улицам слонов водили.

В областном центре Энске, который, как известно каждому ученику средней школы, расположен довольно далеко от тропических районов, слоновье стадо на улицах — зрелище редкостное. Понятно, что толпы любопытных мешали движению городского транспорта, ученики прогуливали уроки и число членов кружка любителей природы росло не по минутам, а по секундам: прошел слух, будто юным природоведам будет позволено кормить и чистить слонов.

Среди горожан бытовало несколько теорий неожиданного появления слоновьего стада в Энске.

Одни говорили, что в Энском районе будет организована ферма для снабжения цирков и зоопарков страны слоновьим поголовьем.

Другие утверждали, что местный цирк готовит новый аттракцион «Слоновый балет на искусственном льду» и что в Энске происходят отборочные соревнования.

Третьи, наиболее мудрые, высказывали соображения относительно несовершенства системы планировки циркового конвейера и однообразия репертуара городской арены:

— В прошлом месяце слоны, в этом месяце слоны, на следующий месяц опять слоны... Эх, как меню в столовой!

И хотя третья группа горожан была ближе всех к истине, но цирковой конвейер тут был ни при чем.

Случайно получилось так: в Энске только что закончились гастроли народного артиста В., готовился к выступлению приехавший в город дрессировщик Д. со смешанной труппой животных, среди которых был один слон, и совершенно случайно проездом через Энск остановился по болезни заслуженный артист Н. со своими слонами.

В конце концов слоны и дрессировщики разъехались по уготованным им аренам, и город начал жить нормальной, без особой экзотики (если не считать ананасов в магазинах) жизнью. Но вместе со слонами исчез из Энска и товарищ Моськин — личность довольно известная в городских масштабах. Вот на этом факте и стоит остановиться, ибо, как стало известно прогрессивной общественности, погорел Моськин именно на слонах.

Моськина отовсюду увольняли за подхалимаж. То есть он уходил сам, по собственному желанию, но все великолепно знали его как

чемпиона лизоблюдства и холуйства. До сих пор в Энске рассказывают историю о том, как Моськин изображал кукушку. Как-то раз руководство плодовоощбазы, где трудился в то время чемпион подхалимов, выехало на лоно природы для проведения пикника в честь перевыполнения плана. Директор базы снисходительно изъявил желание послушать кукушку: все-таки как-никак предсказательница. И кукушка оказалась на высоте: она накуковала каждому руководящему товарищу вполне достаточный прожиточный минимум годов, причем строго соблюдала субординацию — директору больше всех, остальным, соответственно, меньше.

И все бы кончилось ко всеобщему удовольствию, если бы не лесной обходчик, учинивший скандал Моськину за то, что тот лазил по деревьям и ломал сучья. Обходчика разозлил даже не самый факт порчи зеленых насаждений, а то, что Моськин отказался подчиниться «приказу о слезании».

— Я ему говорю: «Слазь», — а он кукует, словно глухарь, — ничего не слышит... — рассказывал обходчик. — И так накуковался, едва с клена сполз. Ваш сотрудник? Поздравляю — выдающийся кукарь... Ну, чисто зозуля, ей-богу...

После этого Моськин уволился по «личному желанию».

Так он и кочевал из учреждения в учреждение, пока не очутился в цирке на хозяйственной работе.

И, может, держался бы Моськин на этой должности еще долго и ушел бы снова по собственному желанию, кабы не слоны.

К слонам подхалим Моськин подошел согласно субординации: если слон принадлежит народному артисту, то к нему один подход, если заслуженному, — то другой, а если слон числится за дрессировщиком без звания, то это и не слон вовсе, а так, недоразумение на четырех ногах.

Катастрофа разразилась, как положено, в один прекрасный день.

Моськин сидел за кулисами и развивал перед инспектором манежа свои идеи («Если у ковра заслуженный клоун, то нужно ковер добывать ручной работы, настоящий бухарский, а если коверный без звания, то и простой дорожки коридорной будет достаточно...»), когда в комнату ворвался директор цирка.

Директор был из бывших партерных акробатов и до сей поры сохранил большую физическую силу. Поэтому Моськин, увидев взволнованный директорский лик, немного струсил. Но действительность превзошла все самые печальные моськинские прогнозы.

— Вон! В двадцать четыре секунды! — крикнул директор. — Чтоб духу твоего в цирке не было!

И положил на стол инспектора две бумажки.

На первой аккуратным моськинским почерком были выписаны районы питания слонов: слон народного артиста получал продуктов питания вдвое больше слона, принадлежащего артисту без звания,

а «заслуженный» слон получал меньше «народного», но больше «простого».

Вторая бумажка была приказом об увольнении Моськина в связи с «полным служебным несоответствием».

Так и сгинул чемпион подхалимажа. Вот уж, как говорится, ирония судьбы: на людях не горел, а на животных испепелился!..

Где-то теперь трудится гражданин Моськин? Ведь ему еще далеко до пенсии!

3. Врачебная тайна

Мулла так подобострастно раскланялся с моим другом доктором Эсергеном, что я только диву дался.

— Может, ты один из самых аккуратных посетителей мечети? — спросил я доктора. — Или производишь из рода потомков пророка?

Эсерген рассмеялся на всю площадь.

— Не отстану, пока не объяснишь, в чем дело! — привязался я к другу. — Что за дела у тебя с муллой?

— Врачебная тайна! — весело ответил Эсерген. — Ты знаешь, что врач не имеет права рассказывать кому бы то ни было ни одного слова о болезнях своих пациентов? А мулла — мой пациент. Я вылечил его бронхит. Аллах был бессилен, а я справился с болезнью довольно лихо.

Но в конце концов после многочисленных клятв сохранить тайну Эсерген объяснил мне причину такого необычного подобострастия муллы.

...Эсерген по срочному вызову пришел к мулле домой, чтобы осмотреть больного. Но мулла, несмотря на высокую температуру, нашел еще силы перечить врачу: не хотел, чтобы его выслушивали да выстукивали!

Сначала Эсерген очень удивился такому капризу пожилого человека, а потом, когда мулла смирился, понял, в чем дело: грудь и спину служителя аллаха щедро украшала татуировка! Основными сюжетами рисунков были обнаженные женщины, запечатленные в самых безыдейных позах, различные эпизоды пирушек и даже одно распитие пол-литра на троих возле какого-то мазара.

Только и всего.

...Я бы мог сообщить имя муллы и город, где живет мой друг Эсерген, но не могу: врачебная тайна! А жаль!

4. Одним пальцем

Говорят, что овладение техникой — одно из основных условий прогресса. Это, конечно, верно. Но в данном случае именно недостаточное овладение техникой оказалось явлением прогрессивным и

повлекло за собой большие перемены в нашем заводууправлении.

Случилось все в один прекрасный понедельник. Директор явился в свой кабинет, как обычно, ровно в девять ноль-ноль и первым делом за папку, где у него хранятся особо важные бумаги:

— Отпечатан ли мой приказ от вчерашнего дня за № 879-2Б?

А вместо заболевшего секретаря сидит в приемной курьер тетя Паша, без пяти минут пенсионерка, временно исполняет секретарские обязанности.

— Нету,— говорит,— приказу за таким номером. И за последующими номерами их тоже не будет. Потому все пять машинисток единогласно на работу не вышли.

— Массовое отравление копиркой? — усмехнулся директор.

— Нет, начхали друг на друга,— охотно поясняет тетя Паша.— Я им в пятницу чай приношу, а они, извиняюсь, дружка на дружку чихают. Только и слышно «будьте здоровы», «простите», «будьте здоровы», «извините». Это, значит, чих идет по разным системам. Вот вы, товарищ директор, как чихаете? Желаете другим доброго здоровья или, наоборот, сами извиняетесь? Даже в чиханье и то мода есть!

— Нужно немедленно мобилизовать внутренние резервы,— мрачно сказал директор.— Изыскать машинистку. И чтобы приказ был готов через десять минут.

— Какие десять минут! — рассмеялась тетя Паша.— Какие внутренние резервы! Никто у нас больше на машинках не печатает.

— Как же быть? — растерялся директор.— А у меня несколько очень важных приказов задумано...

— А помните, у вас четыре года назад в секретарях Светлана ходила? — вспомнила тетя Паша.— Она от нас на производство ушла, в штамповочный цех. Позвоните туда — пусть ее командируют сюда временно. Она печатать умеет.

— Спасибо за рацпредложение,— сказал директор и бросился к телефону.

Прислали из штамповочного Светлану, но она сразу же заявила:

— Я от машинки отвыкла, без практики писать разучилась. Только одним пальцем и могу.

— Что ж,— говорит директор,— будем печатать лишь самое необходимое.

И вот сидит Светлана одна в пустом машбюро и одним пальцем выстукивает приказ за номером 879-2Б.

Она не добралась еще до середины первой страницы, а от директора тетя Паша еще два приказа несет и на каждом резолюция: «Срочно. В. важно».

Светлана продолжает в том же темпе — одним пальцем, стук да стук.

Директор лично в машинописное бюро прибегал два раза:

— Как освоение техники? Нарастиваем темпы?

Светлана только плечами пожимает: мол, делаем, что можем.

— Светочка, — сказал директор, — пишите скорее! Ведь рабочий день кончается, а вы еще только вчерашний приказ еле-еле до середины допечатали! Так и завод может остановиться без получения руководящих указаний!

Но завод, конечно, не остановился, хотя Светлана допечатала к концу дня всего-навсего один злополучный приказ № 879-2Б. Более того, все начальники цехов Светлане ручки жали:

— Работали сегодня — как никогда. Спокойно, без канцелярщины!

На следующий день та же картина. Директор волнуется, а приказы в цеха поступают лишь очень-очень коротенькие, самые необходимые, самые важные. Все остальные десятки страниц лежат мертвым грузом на столике перед Светланой.

А на заводе ликование: кончилась приказная метель, разгрузились отделы и цеха от «срочных» докладных, от бесчисленных ответов на опросные листы, от ненужных сводок.

И все оттого, что машинистки бюллетенят, а Светлана одним пальцем постукивает!

Когда неделя кончилась, то на директорской летучке поставили вопрос о машинном бюро, о его штатах. Выяснилось, что из пяти штатных единиц две хотят уходить на пенсию, одна вышла замуж и бросает работу в связи с переездом в другой город, а четвертая уходит на учебу. Решили сократить эти четыре единицы и оставить только одну-единственную машинистку.

Кто-то высказал предложение, что даже и это много — ведь она не одним пальцем, а десятью работает, но тут директор проявил твердость и отстоял все десять пальцев.

Теперь на нашем заводе все, как у передовых предприятий, — даже директор излучился от своей приказомании. А почему так получилось, если разобраться? Светлана недостаточно овладела техникой. По крайней мере она сама так утверждает. Я говорю «по крайней мере», потому что мне кое-что кажется очень подозрительным: незадолго до болезни машинисток проходил я вечером мимо штамповочного цеха, слышу — машинка трещит. Да бойко так, пальцев на восемь. Сторож объясняет, что это Светлана иногда задерживается в цехоме, чтобы перепечатать свои конспекты: она ведь в заочном институте обучается.

5. Условный рефлекс

В местком на бухгалтера Абдулаева поступила анонимка — толстая, подробная, аккуратно исписанная тетрадка. И хотя, как известно, анонимки можно и не разбирать, дабы не поощрять людей,

стыдящихся своих фамилий, но, как известно, анонимки всегда подвергаются расследованиям и обсуждениям.

Проверять данное писание не было надобности: Абдулаева все знали досконально.

— Считать, что факты, изложенные в анонимке, подтвердились полностью! — предложил вихрастый азартный Кучкар, самый молодой из членов месткома.

— Вот только насчет этих приемных детей и его к ним отношения, откровенно говоря, я подробностей не знал, — покачал головой председатель месткома Кадыров. — Вот так Абдулаев! Ай-ай-ай!

— Вынести Абдулаеву порицание! — предложил кто-то из месткомовцев.

Так и сделали. Против был лишь Кучкар, но на его протесты не обратили внимания: парень молод, горяч, посидит в месткоме с десяток годков — образумится.

А тот факт, что аноним не поносил бухгалтера, а, наоборот, всячески хвалил его, подробно рассказывал о хороших делах общественника Абдулаева и его отзывчивости, чуткости, доброте душевной, не имел принципиального значения. На анонимку реагировать положено? Дело ясное — положено! А где же это видано, чтоб за подтвердившуюся анонимку по головке гладили, а?

6. Борец с предрассудками

Лекторы в село Петушки обычно приезжали по специальному приглашению заведующей клубом Нины Гриценко. А приглашала она, как правило, самых квалифицированных и подкованных товарищей. Но, как говорится, иной эрудит так наерундит, что потом его ошибки всем селом исправлять приходится. Так случилось и с Дренькиным — Цицероном областного масштаба, «крупнейшим специалистом по борьбе с предрассудками и суевериями», как его величали некоторые.

— Многие граждане путают предрассудки с пережитками — с этой крылатой фразы начинал свои лекции Дренькин. Все остальные предложения у него начинались с буквы «И»: лектор считал, что этим достигается «плавность переходов и непрерывность мышления».

— И предрассудки и суеверия суть пережитки, — продолжал он. — И я из всей массы пережитков останавливаюсь именно на суевериях и предрассудках как пережитках, повсеместно распространенных. И это правильно: именно они — всякие церковные праздники, приметы, толкование сновидений — мешают окончательной перестройке сознания тружеников полей.

Главным козырем Дренькина было его поистине не ограниченное

знание примет и поверий. Любую глубоко погрязшую в предрассудках старуху он мог поразить своими знаниями. Слава «знатока приметного» гремела в районе, а в Петушках ему прежде бывать не приходилось, поэтому интерес к его выступлению был большой — Нине пришлось стулья даже в школе занимать, своих не хватило.

Лекция шла как по маслу — от разгрома суеверий Дренькин бодро перешел к критике предрассудков, особенно упирая на безыдейность различных примет.

— И примета, товарищи, — это молекула суеверия. И суеверие — это цепь примет, соединенных воедино и образовавших качественное явление. И наука находит ключ к познанию любых «тайн» жизни, — вещал лектор. — И все вы знаете: собака перед дождем катается на спине. Тайна? Тайна. И ученые давно это объяснили научно и познавательно: все дело в блохах. И в тех именно блохах, которые проживают в собачьей шкуре. И они очень чувствительны к перемене влажности воздуха. И когда влажность увеличивается, то перебираются с более теплых мест собачьего тела на спину, где попрохладнее. И животное беспокоится и катается по земле. Или еще пример. «Кошка в клубок — придет мороз, кошка с шестка — жди тепла». И чистая домашняя кошечка любит, как известно, уют и тепло. И ее спинка, а также усы опять же очень чутки к перемене влажности и температуры. И кошка, как барометр, может предсказывать погоду.

Торжественно оглядев притихшую аудиторию, Дренькин продолжал:

— Но не зная всего, что известно науке, человек, слепо верящий в приметы, легко становится вообще верующим, попадает во власть религиозных предрассудков и постепенно отходит от материалистического понимания сущности бытия...

Наконец прозвучала стандартная финальная фраза:

— Итак, я кончил, товарищи. И есть ли ко мне вопросы?

Молодежь, пересмеиваясь, дружно задвигала стульями, начала выходить на улицу. Но в рядах, где сидели бабки да деды, началось бурное оживление. Вопросы в основном сводились к тому, как, мол, наука объясняет ту или иную примету? Больше всего аудиторию интересовала проблема пресловутой черной кошки, перебегающей дорогу.

— Правда ли, гражданин обученный, — спросила одна из старух, — что ежели кошка бежит справа, так это худо, а ежели слева направо, то хорошо? Как ты считаешь, милый?

Здесь лектор развернулся вовсю. Он начал с истории древнего Египта, где существовало кошкопоклонство, потом перешел к Наполеону, от него назад — к Цезарю и, наконец, доказал, как дважды два, что, во-первых, очень важно вовремя определить, кто перебегает дорогу — кот или кошка.

— И что касается направления бега, — сказал Дренькин, — так вы,

бабуся, заблуждаетесь. И в брошюре чернокнижника XIV века Алефтия Сиракузского указывалось, что если кошка бежит слева направо, то это не к добру. И пора уже пересматривать свои взгляды в научном духе!

— Пересмотрю, милый, пересмотрю, — пообещала старуха. — Спасибо, просветил меня, темную. Алефтий, значит, Сиракузский, господи помилуй... Слева, значит, направо...

Другая бабка поинтересовалась насчет пустых ведер, которые, если навстречу попадают, предсказывают неудачу в делах:

— Как это по-вашему, по-научному считается?

Дренькин, снисходительно улыбаясь, объяснил, что пустые ведра, как, впрочем, и другие сосуды, действительно ничего хорошего не предвещают. Но если тот, кто несет ведро — безразлично, мужчина или женщина, — в сапогах, то примета приобретает иное значение: будет дождь.

Попутно Дренькин рассказал несколько забавных случаев, связанных с исполнением предсказаний. Тут же сообщены были забытые ныне приметы типа: «пустая ложка в пустой тарелке — к потере аппетита», «чайник зальет огонь — к вражде», «наклонилась свеча — к болезни», «медный таз сам по себе звенит — к новостям».

Слушатели оживились, и вопросы сыпались как из рога изобилия:

— А насчет того, что рассыпанная соль — к ссоре, верно или нет?

— После «пуха и пера» к черту посылать следует?

— Рубашку наизнанку надеть — это к чему?

Вдохновившийся лектор подробно объяснял все.

— Вот это да! — восхищенно переглядывалась аудитория. — Вот кроет! Все насквозь превзошел!

Лекция кончилась поздно ночью. Бабки и деды расходились довольные:

— Так бы век и прожили без науки! Слава те господи, сподобились на старости лет...

— Кто ж думал, что хлеб нельзя горбушкой вниз класть? К несчастью, оказывается!

— А пустая бутылка на столе?! К убыткам! Ай-ай-ай! Еще, оказывается, древние греки это открыли!

— Спасибо лектору, разобралась я, почему у меня завсегда хлеб в печке перегорает! — озабоченно говорила другая. — Потому, в избе кошка двухцветная ходит!

— А здорово он насчет снов высказался! — восторгался дед с цветастым, красно-лиловым носом. — Ежели, говорят, снится белый гриб, то не иначе к выпивке за чужой счет!

— Мне что-то белые грибы не снятся, — вздохнул его спутник, — мне все подосиновики... иногда грузди.

— Груздь, сказывают, к грусти, — вмешалась старушка из заднего ряда.

— Не, груздь — к веселью, — запротестовал дед.

— Чего зря прения заводите! — крикнул кто-то. — Обратитесь к лектору, он объяснит!

...Утром, когда Дренькин уезжал из Петушков, его провожали чуть ли не все старушки села.

— Приезжай, касатик! — любовно смотря на лектора, сказала одна.

— Господи святой, как он мне нашего покойного батюшку Агафона напоминает! — прослезилась другая. — Хотя батюшка Агафон-то в приметах был куда слабее... Слабоват был он насчет предрассудков, слабоват...

7. О двух хитроумных взяточниках

И на солнце есть пятна, и в семье не без урода, и в плов иногда попадает песок — кто этого не знает?

Вот так и среди ревизоров треста Облурюк существовали два человека — Ахмат и Усман. Оба они, ревизуя свои подмандатные предприятия, мечтали обогатиться за счет различных взяток и подношений. Но, будучи людьми осторожными, даже друг от друга скрывали свои гнусные намерения. По трусости же характера и Ахмат и Усман боялись во время командировок даже намекнуть ревизируемым о своих нечестных намерениях, хотя судьба и сводила их иной раз с довольно жуликоватыми личностями.

И вот однажды Ахмат через одного случайного знакомого узнал, что Усман приехал из командировки с двумя барашками.

— Подарок дальнего родственника, — смущенно объяснил он соседям по дому.

«Храбрым стал Усман! — с завистью подумал Ахмат. И тут же, чтобы успокоить себя, мысленно добавил: — Ох, и плохо же это кончится!»

На следующей неделе Усман приволок из очередной поездки пять цыплят подросткового возраста и мешок риса.

Ахмат решил воспользоваться опытом своего приятеля и, оказавшись в том районе, где на днях побывал Усман, через общих знакомых осторожно, окольными путями стал выяснять: как же Усман намекнул о взятке?

Но оказалось, что Усман ни с кем ни о чем подобном и не разговаривал. Но тем не менее, чтобы его задобрить, один из местных темных дельцов дал ему двух барашков.

— Ревизор-ака мне знак подал! — таинственно сказал делец в частном разговоре за пиалой водки. — Умный парень ревизор!

Ахмат потерял аппетит и сон. Даже специальную слежку за Усманом установил — никакого толку! Было ясно, что осторожный Усман придумал что-то новаторское и хитроумное.

Но любая тайна становится в конце концов если и не общедоступной истиной, то по крайней мере известным фактом.

В один прекрасный день жена Ахмата услышала от своей подруги о существовании некой частной мастерской по раскраске тканей. Где-то в районе старого города какая-то Гульсара-ханум очень ловко накатывала на шелк различные рисунки по желанию заказчиков.

— Я хочу сделать платье с такими рисунками, которых ни у кого не будет! — заявила жена Ахмата и отправилась в старый город.

Вернувшись она оттуда возбужденная и восхищенная.

— Эта Гульсара-ханум просто волшебница! — заявила жена Ахмату. — Наши фабрики должны у нее учиться! Я заказала отрез, на котором будут нарисованы космические корабли — от первого до последнего! Все знакомые умрут от зависти! Да, между прочим, Гульсара-ханум раскрашивает и мужские рубашки! Твой коллега Усман заказывает ей уже вторую рубашку. И знаешь, какой он выбрал странный рисунок? Ну, просто умора: утки, цыплята, гуси, рис, барашки! Вот чудак, правда?

Ничего не ответил Ахмат своей любимой жене, но надолго задумался.

На другой день, встретив Усмана, он сказал ему:

— Говорят, ты в счастливой рубашке родился.

— Кто говорит? — испугался Усман.

— Пока еще только я, — пояснил Ахмат многозначительно. — Но такие факты биографии нельзя скрывать от приятелей!

— А больше ничего... не говорят?

— Ходят слухи, что переходишь работать в Дом мод, — лукаво улынулся Ахмат. — Открыл новый фасон: рубаха-намок. Модная штука!

— Эх вы, «рубахи» парни! — вздохнул следовательно, когда через год Ахмат и Усман попытались все свои грехи свалить на капризы моды. — Обнаглели до чего: заказали новые рубахи, на которых нарисованы мебельные гарнитуры, дачи, автомобили «Москвич»! И забыли о том, что все эти художества кончаются обычным для всех взяточников рисунком: в клеточку!

8. Следите за отражением

В пошивочной мастерской «Женское платье из материала ателье» дела были плохи.

— Нынче клиент скандальный пошел, шумный! — воскликнул директор. — Это же какие-то античеловеки! Их обшиваешь, одеваешь, сам с себя восемь шкур спускаешь, а плана нет. Только настроишься на летние платья — осень приближается, костюмы несут. Сделаешь перестановку сил, бросишь всех на костюмы, а уже январь, весен-

ние пошивки... Вон в Африке, говорят, круглый год все население в одних трусах ходит!

— Достанем план,— таинственно сказал снабженец Хорохорин, остроносенный блондинчик с большими связями.— Есть у меня один замысел по этому вопросу. Зеркала надо в салоне ожидания сменить. Вот что.

— При чем тут план? — шмыгнул носом директор.— Зеркалами закройщиков не исправишь. Таланту у них не прибудет.

— Еще как прибудет! — бодро заверил Хорохорин.— Ведь конфликты у нас с клиентурой из-за чего? Из-за плохого качества работы. Почему клиент от нас в другие ателье перемахивает? Опять же качество. Вот зеркала нас и спасут.

— Ну, ну, развивай поподробней,— заинтересовался директор.

— А чего тут развивать? — усмехнулся Хорохорин.— Ясный ясного: психология. У нас клиент какой? Женский у нас клиент. А ихняя психология вся от внешности. Представьте себе: сидит в салоне у нас клиентка, ждет получения заказа.

— Это ты точно подметил,— оживился директор,— клиент у нас сплошь женский. Потому — ателье такого профиля. Вот если бы мы были ателье мужское, тогда и клиент был бы мужской. А вот если смешанный профиль, тогда и клиентура обоих полов. Фактический факт. Верно я говорю?

— Как всегда, в точку,— согласился Хорохорин.— Так вот: сидит, предположим, дамочка, ждет. То в модный журнальчик носиком клонет, то в зеркало на свою фигурацию поглядит. И что ж она видит в этой отражающей поверхности?

— Что отражается, то и видит,— догадался директор и хихикнул, довольный своей сообразительностью.

— В том-то и дело. Она на себя со всех сторон насмотрится, а когда на нее наше изделие надевают, с ней расстройство чувств происходит. Вот я и предлагаю: вместо нормальных зеркал второго сорта поставить во все рамы производственный брак. Кривые, косые, посмотришь — мутит. Едва упросил знакомого коммерческого директора зеркальной фабрики на бой этот брак не пускать, для нас сохранить.

— Ну, развивай далее,— изобразив на лице мыслительный процесс, молвил директор.

— Раз зеркала — брак, то и отражение в них — брак,— продолжал Хорохорин.— Психология! Клиент, видя себя перекошенным и крайне несимпатичным, приходит в уныние и в упадок сил. В нем начинается внутренний процесс самокритики. Это нам и требуется. После такой подготовки изделия наших закройщиков плюс нормальные зеркала второго сорта в примерочных кабинках покажутся клиентуре шедевром, люкс!

— Фактический факт! — радостно воскликнул директор.— Как по нотам! Ты у меня, Хорохорин, заместо головных мозгов, ей-богу! Ах

ты, чертушко! Такое изобрести! Тащи этот зеркальный брак сюда поскорее! Установим за ночь! Теперь поглядим, дорогие дамочки, кто кого! Милости просим, отражайтесь на здоровье!

— Неча на закройщика пенять, коль фигура крива! — покрутил острым носиком снабженец. — Ждите моего сигнала! — И он помчался за зеркальным браком.

Но радужным мечтам руководителя ателье не суждено было сбыться. Он еще дружинисто расхаживал по кабинету, вдохновенно потирая руки, когда позвонил Хорохорин. По растерянному голосу «головных мозгов» директор понял: произошло что-то непоправимое.

— Перехватили, — трагически произнес далекий Хорохорин. — Опоздал я... Уже кто-то другой догадался этот брак к рукам прибрать. Не то парикмахерская, не то магазин готового платья...

Директор, не выпуская трубки из рук, рухнул на пол.

Имейте в виду, товарищи клиенты: где-то эти зеркала установлены.

9. Поощрители

— Старик, где ты пропадал? Мы тут такое новаторство учинили! — сказал мне по телефону Петя Шикин. — Я лично два дня мыслил, пока придумал. И теперь вот уже три недели земля горит под ногами тунеядцев нашего района!

Петя студент. Он отличный организатор, но если коллектив потребует, то карикатуру набросает и стихи под нее написать может. Петя отвечает за выпуск сатирических окон типа комсомольский «Крокодил», «Не проходите мимо», «Каленым пером» и т. д. В последнее время он весь досуг отдает этому делу. И даже разговаривать стал лозунгами-призывами:

— Усовершенствуемся! За ушко, да на солнышко! Сам убедишься! Прямое попадание в пережиток! Усиленный удар! Короче, завтра в двенадцать жду на Зеленой площади...

Я к полудню явился на место свидания. Возле щита с ярким заголовком «ЗАПОМНИТЕ ЭТИ ЛИЦА» толпился народ.

Гордый Петя стоял поодаль и наблюдал за делом рук своих.

— Свежий выпуск! — подмигнул он мне. — Спекулянты стонут! Мы теперь не только стишки под портретами даем, а сообщаем массам домашние адреса этих подонков! Пусть даже соседям стыдно будет, не то что родственникам!

К Пете подошли двое дружинников, между ними заварился какой-то оживленный разговор, а я направился к щиту.

Вокруг то и дело слышались восторженные восклицания, смешки, острые и злые словечки — публике явно нравилось очередное «окно».

— А этот толстомордый Федькин! — вслух рассуждал парень в спечовке. — Типичный буржуй, как в учебниках истории рисуют! Правильно его прищучили, паразита!

С фото нагло глядел на народ круглорожий дядя в кепочке, похожей на берет. Текст под его изображением гласил:

«Лицо без определенных занятий Григорий Федькин, проживающий на улице Зорь, 9, кв. 5, не работает, но ест за троих, специализировался на спекуляции японскими носками и заграничным трикотажем. Неоднократно штрафовался. Таким не место в нашем городе: позор и срам Федькину!»

— Простите, — тронул меня за руку стоящий рядом неказистый человечек с блокнотом в руках. — Я забыл дома очки и не могу рассмотреть адрес этого Федькина... И почему важный адрес написан мелкими буквами?!

— Хотите явиться к нему на дом и учинить самосуд? — улыбнулся я.

— Скорее он надо мной учинит расправу, — вздохнул человечек, — финансовую. Понимаете, мне очень нужны японские носки и заграничный трикотаж.

— Собираетесь торговаться с этим спекулянтом и тунеядцем?!

— Конечно, вы точно подметили, он не передовик, — усмехнулся человечек. — Но что делать? Жена меня домой, понимаете, не пустит, если не достану ей трикотажа, а сыну носки, понимаете...

— Не понимаю, как можно поощрять Федькиных!

— Ну, сам бы его искать не стал. А тут, понимаете, даже адрес проставлен. Иди, налаживай торговые контакты. Поглядите — не я один адреса списываю. Ну, к примеру, мебель нужно срочно купить... За новосельями торговля не угонится никак, сами знаете. Вон, слева фотокарточка, под которой три раза красными буквами «позор» написано, видите? Это продавец из мебельного. Василий Иванович. Калым ломит с новосела — уй-уй-уй! — но зато любым гарнитуром обеспечит. Пока бы вы нащупывали пути-дороги к этому Василию Ивановичу — сколько времени, понимаете, зря бы ушло! А вы прямо от этой сатиры идете к дяде Васе, но фото вы его уже знаете, ни с кем не спутаете, и — мебель у вас в квартире. Можете даже к нему на дом завернуть, договориться в более спокойной обстановке, адресок-то тут как тут, милости просим. Я, понимаете, таким манером уже холодильник достал... Сатира помогла, которая возле Большого универмага висит. А на «Каленом пере», которое возле гостиницы, хе-хе-хе, фотографии девушек имеются. Хорошенькие попадаются! И все там про них сказано, понимаете, как зовут, где живут, как по ресторанам ходят, как случайные знакомства уважают... Хе-хе-хе! И под каждым фото даже телефончики написаны — правда, карандашом. Видно, сами девицы приписали... Так я, товарищ, попрошу вас — продиктуйте адресок Федькина...

— Скажи, пожалуйста,— обратился к моему соседу подошедший толстяк в тубетейке и очках-светофильтрах,— не знаешь, на Базарной площади сегодня не вывесили карточку спекулянта цветными платками? Говорят, где-то его клеймят, а вот где — не найду. Уже пять рублей на такси проездил — срочно двести платков нужно. Скажи, пожалуйста, а?

— Ну, ладно, хулиганов или там пьяниц рекламировать можно,— возмущенно произнесла женщина с хозяйственной сумкой.— Пусть все знают, кто где проживает. А зачем спекулянтам потакать? Лучше бы написали, какие меры против них приняты!

— Верно,— сказал парень в шляпе.— Написали бы — Федькин уже выселен из Москвы. А дядя Вася из мебельного получил срок, в тюрьме гарнитуры протирает. Вот это был бы удар!

— А то адреса да штрафы! — продолжала женщина с сумкой.— Это им как с гуся вода. Вы-то хороши! — обрушилась она на толстяка и человечка с блоком.— Поощрители! Вот вас бы тоже сюда — на солнышко! Какой ваш адрес?

— Но-но, пожалуйста.— Толстяк в тубетейке сделал шаг назад.— Не допускайте беззакония!

— При чем тут я, понимаете? — поспешно записывая адрес Федькина, который ему только что продиктовал толстяк, забормотал человечек.— Мне носки нужны, трикотажд...

Мне не повезло: пока я выбирался из толпы, Петя уже сел в трамвай.

— Ну, как, старик? — крикнул он мне, выглядывая из окна задней площадки.— Одобряешь — поощряешь?! Грандиозно, а?! Прости, спешу — у меня двадцать пять «окон»! Усиливаем удар... За ушко, да на сол...

Трамвай умчался.

Мимо меня к стоянке такси ринулся, на ходу запихивая блокнот в карман, маленький человечек. Ему срочно нужны были японские носки и заграничный трикотаж.

10. Пятьдесят процентов

Областная конференция работников народного образования работала, как хорошие часы: по намеченному плану, четко, безо всяких происшествий. Казалось, что и воду из графина ораторы пьют согласно имеющимся у них в рукописи пометкам.

Так бы, может быть, и докатилась конференция до кем-то запланированного бесконфликтного конца, но...

Этим «но» оказался один из признанных областных златоустов.

Он говорил так бойко, воодушевленно, так умело заглядывал в конспект, что попробуй догадайся, что у него каждая интонация, каждый жест десять раз отрепетированы!

Кого-то златоуст похвалил за ремонт помещений. Кого-то покритиковал за плохое качество окраски парт. Потом вдруг закричал:

— Позор! Товарищу Пахомову из Щукинского района на всю область позор!

В зале сразу же прекратились перешептывания и легкое покашливание. Наступила внимательная тишина. Я, человек, лишь недавно приехавший в область, и то ахнул: Пахомов из Щукино почитался одним из лучших работников! Обычно его район всегда ставился в пример: успеваемость в школах хорошая, второгодники, как мамонты, уже давным-давно вывелись. И вдруг — такая сенсация!

Пахомов сидел через несколько рядов от меня и растерянно глядел на оратора.

А оратор наслаждался вниманием зала и продолжал, торжествующе размахивая зажатой в руке бумажкой:

— Товарищи! В Щукинском районе за минувший год вдвое уменьшилось число школ! Позорный факт, товарищи! И это в то время, когда мы расширяем сеть учебных заведений! Вот вам до чего доводит захваливание! Позор товарищу Пахомову!..

— Да что ж это!.. — воскликнул было Пахомов с места, но опытный златоуст с высоты кафедры пресек этот неорганизованный вопль:

— Может быть, товарищ Пахомов, у меня неправильные цифры? Вот — пятьдесят процентов!

— Проценты правильные, — усмехнулся Пахомов.

— Значит, будете оправдываться, когда вам дадут слово.

И выступление продолжалось.

Конечно, все, что говорилось оратором далее, уже не представляло интереса: после такой сенсации любая новость казалась пустяком.

В зале оживленно обсуждали пахомовские дела. Даже на сцене, за столом президиума начались какие-то перешептывания, хождения.

— Он еще улыбается! — злорадно прошептал мой сосед справа, кивая на Пахомова.

— Да, дела, — недоуменно пожал плечами мой сосед слева.

Когда златоуст кончил, Пахомов попросил слова для справки.

В зале вновь наступила тишина.

— Проценты тут приводились правильные, — сказал Пахомов спокойной. — Но ведь у каждой цифры душа есть. Мало только на число смотреть, нужно в его душу, в его сущность заглянуть. Цифра без сущности — пятьдесят процентов, одна внешность.

— Конкретнее! — крикнул из зала златоуст.

— Могу и конкретнее. — Пахомов улыбнулся. — У нас в районе было восемь школ. И все старые, неудобные, мелкие. Колхозы наши укрупнились, средства у них есть, вот и построили четыре новых,

больших двухэтажных школьных здания. Об этом писалось много... Если во всех восьми старых школах имелось всего 40 классных помещений, то теперь у нас их почти восемьдесят... Так что, кто тут опозорился — решайте сами.

— Кто бы мог подумать, что цифирь так подвести может! — сокрушенно вздохнул мой сосед справа, когда Пахомов под смех и аплодисменты спускался в зал.

А сосед слева радостно хохотнул и произнес:

— Так им и надо... тем, кто мыслит не на сто, а на пятьдесят процентов! Привыкли за цифру голову прятать, как страус под крыло. Вот я сейчас выступлю, дам им прикурить, чиновника...

Он тут же написал записку в президиум — попросил слова.

Следом за его запиской начали слетаться к сцене записки со всех концов зала: это в работу конференции включились «неподготовленные» участники.

Каждый из них начинал выступление с упоминания «пятидесяти процентов», а уж потом переходил к прочим проблемам.

И конференция уже не походила больше на хорошо отрепетированное действо.

Она стала обычной деловой конференцией. На все сто процентов.

11. Первый раз в первый класс

Семья Анохиных поджидала наступление первого сентября с трепетом: еще бы — Верочка первый раз в жизни шла в класс!

Верочку собирали всей семьей. Мама проснулась в пять часов утра и напекла пирогов. Бабушка не спала всю ночь и все время вспоминала молодость и свое первое сентября.

Дед и отец коршунами кружили вокруг Верочки. То снимали какую-нибудь пушинку с платья, то в четыре руки поправляли прическу.

— Ну я же не маленькая, — чуть не плача бормотала смущенная и взволнованная Верочка, — я сама...

Но все родственники дружно обрушились на нее:

— Да что ты! Такое событие! Первый раз в первый класс!

— Вот я помню, — всхлипывая от распирающих грудь эмоций в тысячный раз начала бабушка, — свое первое сентября... как сейчас... день был пасмурный или нет — кажется, солнечный... Ну, да это неважно. Букет у меня в руках — как сноп. Или нет...

На бабушку никто не обращал внимания, но при слове «букет» все начали суетиться.

— Где же он? — какая на сахар валидол, бормотал дед. — Ой, батюшки... Такой букет пропал! Я полсада обрезал, а он пропал...

— Действительно, — взъерошил волосы отец, — товарищи, ведь был же букет?

— Как сейчас помню! — эхом откликнулась бабушка.
— Да я его в сени поставила, — вспомнила мама, — в ведро!

Принесли из сеней букет, стряхнули воду со стеблей, обернули их красивой бумагой.

— Передай цветы своей учительнице, — в который уже раз наставляла Верочку мать, — скажи: «Прасковья Сергеевна! Это вам от первоклассницы Верочки Анохиной!» Поняла? Скромно и с юмором!

— Мы придем тебя встречать! — робко произнес дед.

— Нет, — тихо, но твердо произнесла Верочка. — Мы же договорились... Вы все забываете, что я уже большая!

— Первый раз в первый класс, — вытерла повлажневшие глаза бабушка. — Ах, какая пора! Очей очарованье...

— Это не из той оперы, — не выдержал дедушка. — Совсем зарাপортовалась!

— Нет, из той, — упрямо твердила бабушка.

Нервы у всех были напряжены, непременно быть бы ссоре, но в это мгновение Верочка взяла свой портфельчик, взвалила на руку букет, шагнула к двери.

Началась очередная серия лобзаний.

Верочка взволновалась до слез почти. Щеки ее горели ярче пионов букета, а глаза сверкали, как брызги на лепестках цветов.

— Никого из ребят не обижай! — сказала мама. — Будь пайнойкой с учителями!

— Не затюкивайте ребенка! — истошно вскрикнул папа. — И так уже довели девочку черт знает до какого состояния!

— Это непедагогично! — одернула его мама. — Сам всех нервируешь!

Верочка наконец вырвалась из родительских объятий и выбежала на улицу.

Дед, бабушка, отец и мать сгрудились у окна. И хотя Верочка шла не оглядываясь, родители так яростно махали руками и платками, словно стояли на перроне вокзала перед уходящим в дальний путь поездом.

Тротуары заполнили маленькие школьники в аккуратной форме. Их становилось все больше. Казалось, все дома улицы превратились в машины, штампующие первоклассников.

Малыши все, как правило, несли портфели, а рядом с ними гордо вышагивали с букетами отцы или матери.

— Только глядя на детей, видишь, как идут года, — сказала бабушка. — Первый раз в первый класс... Первое причастие... Все в белом...

— Ты бы еще бронзовый век вспомнила, — устало произнес дедушка. — А все-таки зря мы Веруську не проводили...

— Подумать только, — вздохнула мама, — как бежит время. Кажется, только вчера я отвела Верочку в школу, «Берегите нашу

малютку!» — сказала я Прасковье Сергеевне пятнадцать лет назад. А вот теперь наша дочь сама пошла учить детей. Получила первый класс «А»... Тридцать ребят — не шутка!

12. Принципиальная бдительность

Вахтеры автобазы зажирили так, что им лень было глядеть на пропуска шагающих через проходную будку граждан.

— Давай, давай, не засти солнца, — вещали вахтеры разомлевшими голосами. — Проходи туда или сюда...

Но сколько раз директору докладывали об этом, столько же раз он, многозначительно глядя на собеседника, отвечал:

— Очевидно, они кому-то мешают. Их хотят во что бы то ни стало уволить, не брезгуя клеветой на честных, принципиальных тружеников.

Точно такого же мнения придерживались и оба замдиректора и начальник отдела кадров. Это было так странно, что среди коллектива начались нехорошие разговорчики.

— Сколько лет с ним работаем — лучшего руководителя и не надо! — удивлялись поведению директора шоферы. — А тут как затмение нашло на человека!

Местком решил своими силами распутать этот узелок. Прежде всего взяли под контроль деятельность вахтеров. Деятельности, собственно говоря, и не было никакой: полулежали они на скамейке возле ворот, как тюлени, изредка тяжело вздыхая от переполняющего их ничегонеделания.

Не смотря на машину, отворяли ворота, к шоферам в накладные даже не заглядывали. Проходная будка превратилась в проходной двор — гуляй, не хочу!

Так продолжалось до того момента, пока на пороге будки не появился замдиректора.

Вахтеры-тюлени преобразились. Грозно вращая глазами, они вскочили с места и согласно крикнули:

— Здравствуйте, Иван Иванович!

— Здорово, добры молодцы! — отвечал замдиректора, очень довольный бдительностью стражей. — Вот ведь что значит принципиальная бдительность: знаете меня двадцать лет, а без пропуска ни-ни. И сначала в него посмотрите, убедитесь, что я — это я, и тогда только поздоровайтесь. О вашей работе брошюру нужно писать, честное слово!

Та же «принципиальная бдительность» была проявлена и при проходе начальника отдела кадров. Тот просто урчал от восторга, пока вахтеры придиричиво, на свет, изучали его удостоверение личности.

За всю первую половину дня сторожами было проверено еще два пропуска: у второго зама и самого директора.

Машину с директором тюлени держали у ворот минут пять и на все заявления начальства, что ему, мол, некогда, отвечали стандартно: — Спокойно, гражданин! Закончится проверка документов, и вам скажут, что дальше будет!

Потом вахтеры снова впадали в сладостную дремоту — до конца рабочего дня. До того момента, когда опять «принципиально» проверались те же четыре пропуска.

— Не клеветайте на лучших наших работников, — сказал директор, выслушав доклад месткома о деятельности вахтеров. — Стыдно целый месяц подкапываться под таких орлов! Сверхбдительные люди! Для них не существует чинов и званий! В проходной будке все равны! Переходим к следующему вопросу: о наложении взыскания на шофера Тянькина, который третий месяц подряд выполняет задание на 85—90 процентов...

Вахтеры до сих пор принципиально греются на солнце.

13. Кошмарное происшествие

Вася Милованов, студент-энергетик, был среди бригады содействия 9-го отделения милиции самым юным — и по возрасту и по стажу. Может быть, поэтому его ни на минуту не оставляла наивная мечта совершить какой-нибудь выдающийся подвиг во имя охраны порядка: вскрыть кошмарное преступление или обнаружить и задержать с помощью подручных средств грозного преступника-рецидивиста, которого тщетно ловит весь всесоюзный уголовный розыск.

Понятно, что когда Вася ходил по улице, то он сверхвнимательно оглядывался по сторонам, нахлобучивал кепку на самые глаза — для конспирации — и многозначительно отворачивался от знакомых милиционеров: дескать, я вас не знаю. И понятно также, что каждый прохожий с любопытством осматривал «таинственного» Васю, а ребяташки, издали завидев его, радостно спрашивали:

— Вася, поймал жулика?!

Но Вася продолжал в том же бдительном стиле рассказывать по улицам. Он всегда помнил слова своего кумира, сержанта милиции Гвоздикова, который любил говаривать:

— Главное в нашем деле — внимательность, сообразительность и чуткость. Внимательные глаза, сообразительные мозги, чуткое отношение. Ощущаешь смысл, Милованов?

И Милованов, пожирая влюбленными очами сержанта милиции Гвоздикова, бодро отзывался:

— Так точно, ощущаю!

И вот сегодня наконец-то постоянная Васина бдительность принесла плоды: на тротуаре острый глаз студента-энергетика увидел пятнышко крови. Затем еще одно... еще... еще...

Пятна пересекали улицу на перекрестке. Возле остановки троллейбуса № 8 их было больше — очевидно, истекающий кровью человек задержался здесь на несколько минут. А вот и клочок шерсти — след, оставленный демисезонным пальто: человек, обессилевший от потери гемоглобина, прислонился плечом или спиной к корявым доскам забора.

Васин орлиный глаз обнаружил тут же, не отходя от остановки, еще две улики — вырванную, как говорится, «с мясом» пуговицу черного цвета и лоскут подкладочного сатина.

«Драка... истерзанный вид... — мысли до отказа наполняли Васину голову. — Кажется, кошмарное преступление! У пострадавшего черное пальто без пуговицы... рваная рана... но сознание сохранено. Он должен знать, кто его резал... В троллейбус не сел, не смог, обессилел... Значит, он должен быть поблизости! Скорее всего в сквере!»

Следы — часть ботиночного шнурка и еще одна пуговица — привели самого юного бригадмилейца 9-го отделения, как он и предполагал, в ближайший сквер.

Вася мобилизовал все наличные запасы бдительности и оглядел скверик. Вокруг мирно гуляли различные мелкие детишки. На скамейках ворковали бабушки с няньками.

Вася старался не мигать глазами: так всегда делал сержант Гвоздилов, когда наступал решительный этап операции. В такие моменты глубоко запавшие очи храброго сержанта и их черные немигающие зрачки напоминали дула пистолетов.

Пострадавшего Вася увидел на самой дальней скамейке. Собственно, на пострадавшего этот здоровенный парень в голубой шляпе набекрень, в черном пальто и ярко-рыжих, апельсинового цвета штиблетах похож не был. Он спокойно заменял веревочный шнурок, отсутствующий на одном из ботинок.

Вася подошел, сел на скамейку рядышком с парнем. Под ногами пострадавшего на земле краснели круги. Одной пуговицы на пальто не было.

— Ну, чего смотришь? — пробасил парень, завязывая веревочку кокетливым бантиком.

— Это... ваше? — Вася вынул из кармана шнурок, пуговицу и кусок подкладки.

— А что? — подозрительно оглянулся парень. — Тебе какое дело?

— Я думал... кровь... — смутился бригадмилец, — вас резали...

— Меня-то? Охо-хо! — Парень хохотнул так громогласно, что все дети на скверике замерли. — Это ботинки — видишь? — мажут, разрази их! Догадались тоже, подметки красить! А пальто? Разве это товар? Линяет, как шелудивая кошка! Подкладка — вся ползет... А шнурки на ботинках? Пуговицы? Куда ОБХСС смотрит? За такую работу ноги вырывать надо! Выдавать по 25 лет с поражением в правах — как одна копейка. Ну, ладно, сиди, дыши воздухом, а я пошел... На вокзал — прямо, что ли?

Парень вскочил, огляделся и, оставляя за собой красные следы, похожие на запекшуюся кровь, быстро зашагал к выходу из сквера.

Раскрытие кошмарного преступления не состоялось. Вася тяжело вздохнул и направился в отделение. Еще одна мечта юности погасла, как спичка на ветру.

В отделении к Васе подошел сержант Гвоздиков и сказал:

— Милованов, собирайся со мной. Выставку товаров обокрали. Как раз тот единственный отдел, который не охранялся, — отдел производственного брака. Взяли комплект — костюм, пальто, шляпу, ботинки. Ощущаешь смысл, Милованов? Преступник там же переоделся! Его старая одежда — ватник и сапоги обнаружены в мусоросбросе.

— Брак? — повторил Вася как во сне. — Рыжие ботинки, черное пальто, голубая шляпа?

— Ощутил смысл! — довольно сказал Гвоздиков и вдруг спохватился: — Откуда приметы знаешь? Я ж тебе еще описание показать не успел!

— Знаю, знаю! — закричал Вася. — Он на вокзал пошел! Я его чуть не задержал...

...Всю остальную историю Вася рассказал Гвоздикову и другим оперативникам уже сидя в милицейской машине, которая во всю прыть мчалась на вокзал.

Грабитель был задержан и даже не пытался бежать: его ботинки уже развалились, а лишенные пуговиц брюки сползали при каждом шаге.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда бракованная продукция принесла государству хоть какую-то пользу.

14. Догмы и маляры

Д о г м а (греч.) — положение, признаваемое неизменным, несмотря на изменение объективных условий.

Д о г м а т и к — приверженец догмы.

Из словаря.

Я попал на урок литературы в девятый класс. Вел урок весьма уважаемый педагог.

Слушая ответы учеников, я почувствовал себя помолодевшим, будто и не кончал школы двадцать пять лет назад! Девятиклассники бодро произносили овеянные традицией определения и характеристики, штампованно и уверенно излагали взгляды великого писателя, усвоение которых было им задано на дом.

И мне вспомнился... нет, не такой же урок четверть века назад. Мне вспомнился городской зоопарк, куда я успел заглянуть перед тем, как идти в эту школу на урок весьма уважаемого педагога...

Зоопарк поражал классическим отсутствием посетителей. Словно в городе уже не было ни одного человека, который бы желал и зверей посмотреть и себя показать. Даже дети, любящие животных беззаветно и бескорыстно, почему-то в эти часы отсутствовали.

Кассирша удивленно продала мне билет и задумалась, видно, теряясь в догадках: зачем с утра понадобились животные взрослому человеку?

Симпатичная девушка в синем халате и красной шапочке, бесстрашно кормившая серого волка сырым мясом, крикнула мне:

— А пива в буфете нет!

Тут я припомнил разговор в гостинице о том, что буфет в зоопарке, как «отец родной», в нем рано утром торгуют пивом и желающий опохмелиться всегда найдет среди зверей право на убежище и отдых, потому что дружинникам в голову не приходит заглядывать в зоопарк.

Директор парка, приметив мой крутобедрый портфель, сразу же выбежал навстречу с приветственным кличем:

— Милости прошу! Билетик-то, билетик-то зачем брали, товарищ? Вы из области?

Сколько я ни убеждал этого милого мужчину в своей абсолютной непричастности ко всяким ревизиям, комиссиям и проверочным органам, он не поверил. Мое заявление о том, что я очень люблю животных и в каждом городе обязательно захожу в зоопарк, он воспринял как примитивную маскировку ревизора-инкогнито.

И хотя расспросы прекратил, но все же сопровождал меня неотлучно и даже вышел вместе со мной на улицу, когда осматривать стало уже нечего.

Я увидел много занятого, но самое большое впечатление произвели на меня тигр и его клетка.

Среди вольеры, окрашенной в легкомысленный зеленый цвет, дремал тигр — упитанный и холеный зверюга.

Директор закурил папиросу и сказал мне со вздохом:

— Я понимаю, вы ниоткуда, все понимаю... Но когда будете отчитываться, непременно насчет стальных клеток упомяните. Не планируют их для нас. Думают, на такие, мол, пустяки металл тратить не резон. А вот эта, тигриная, к примеру, решетка. Посмотрите внимательно: сплошная угроза человеческой жизни! Да, да! Она у нас на балансе лет тридцать числится. Прогнила вся. Только сверху краска молодозелено выглядит. А на деле — одна сплошная ржа. Потому красивым ежемесячно, отчаянно красим. Ежели тигр прутья эти не только лапой, хвостом стукнет — они в прах и мираж обратятся в этот же миг.

Я дрогнул душой и телом, представив себе, как этот полосатый малодрессированный кот выходит на свободу.

— Так что же он... того... чудак... сидит так покорно? — кивнул я на тигра.

— Догматик! — весело ответил директор. — Считает решетку незыблемой. Ведь у этой ржавчины авторитет стали! Следовательно, и пытаться не стоит. Живи привычно.

Тигр-догматик лениво скосил на нас желтый глаз, зевнул с хрустом и снова погрузился в дрему.

— Так что, товарищ хороший, насчет стального прута для зоопарка молвите, где следует, словечко, ежели случай представится.

— Да я же...

— Знаю, знаю — обычный посетитель! — И, подмигнув мне (дескать, «все понятно, я тоже не лыком шит»), директор повел меня дальше.

...Вот эти проржавевшие прутья и тигра-догматика напомнил мне урок литературы весьма уважаемого педагога.

Ученики его и не догадывались испытать «на крепость» те формулировки, утверждения, характеристики, которые они повторяли с магнитофонной старательностью. С этими патентованными «определениями» было удобно, спокойно и... очень скучно. Насквозь проржавевшие, но внешне солидные и внушительные ярлыки представлялись ребятам несокрушимыми, обсуждению и рассуждению не подлежащими.

Кончился опрос, весьма уважаемый педагог начал четко и категорично сообщать ребятам дальнейший материал согласно программе.

Рука учителя красивыми, энергичными взмахами рубила воздух в конце каждой фразы.

И мне почудилась в пальцах педагога малярная кисть. А жест руки напоминал движения маляра, красящего ржавые прутья, чтобы они выглядели «как настоящие».

Но когда кончился урок, я вежливо поблагодарил весьма уважаемого педагога и ничего ему не сказал о догмах и красках.

Потому что вспомнил: занимаются время от времени идейно-малярными работами очень многие мои знакомые.

И даже кое-кто из близких друзей.

Да и автор этих строк не безгрешен.

А что ж, если вокруг хватаются за кисти, он отставать должен?

КОМУ ЛЕГЧЕ?

«...Сошлись и заспорили:
Кому в игре вольготнее —
Судье иль вратарю?
А может, центрфорварду?
Или полузащитнику?
— Легко всем тем, кто на поле, —
Вздохнули два болельщика
За общество «Спартак»...

*(Из шуточной фольклорной поэмы
«Кому на футболе жить хорошо»).*

Это было словно про нас сказано! Действительно, за столиком кафе «Молочное» (которое находится под Западной трибуной) собралось пятеро: один из самых заслуженных футбольных вратарей, популярный нападающий, знаменитый футбольный арбитр, известный тренер, примкнувший к нам не известный никому болельщик и я, автор.

— Легче всего быть тренером! — сказал болельщик, преданными глазами глядя на сидящих рядом с ним известных футболистов. — Командуй, твори, выдумывай, пробуй! Эх, красота!

— Вы так думаете? — усмехнулся известный тренер. — Ну, ладно, судите сами.

— Легко ли быть тренером?

Если команда проигрывает, то говорят: «А тренер-то исьяк, ему уже самое время мемуарчики писать».

Если команда побеждает, усмеваются: «Молодцы ребята! С такими льями любой тренеришка выглядит гигантом!»

Придумаю я тактическую новинку, ехидничают: «С чего бы это наш старик сегодня фонтанирует идеями? Интересно, у кого он их позаимствовал? У аргентинцев или у сборной Лихтенштейна?»

Иной раз ничего нового на игру не предлагаешь, и тогда начинаются тихие смешки: «У старика с детства выдумки не хватало».

Бывает, при разборе игры увлечешься, повысишь голос: «С начальником команды или с женой поспорил, а на нас зло срывает». Ведешь себя ровно, спокойно: «Ему все до лампочки, лишь бы зарплата капала!»

Похвалишь кого-нибудь: «Вот уже и любимчиками начал обзаводиться!»

Покритикуешь: «Выжимает из коллектива, мстит за критику».

Увеличишь нагрузки на тренировках: «В гроб загоняет, на износ пустил, лишь бы самому славу добыть!»

Уменьшил: «Уже на все рукой махнул старик, мышей ловить не хочет».

Скажешь на установке перед игрой: «Ребята, сегодня нужно выиграть!» — сразу шепотом: «Ни о чем, кроме очков, не думает».

Скажешь по-иному: «Ребята, играйте спокойно, в свою игру»: «Полное безразличие к результатам, видно, собрался в другое общество переходить».

Начнешь дисциплину подтягивать: «Мечтает нас в роботов превратить».

Иной раз никому никаких замечаний не сделаешь: «А слухи-то подтверждаются, старика на пенсию готовят! Ишь, шелковым стал!»

Съездишь во время сборов домой раза два в неделю: «Понятно, что ему до нас? Своя семейка ближе к телу!»

Сидишь на базе неделями, домой заглянуть недосуг: «Вот привязался, дыхнуть не дает! За своими детьми лучше бы присматривал».

Не слушаешь высокопоставленных болельщиков: «Наш-то зазнался — на мнение самого Наума Христофоровича наплевал! Ой, быть беде, помяните мое слово!»

Внимательно отнесешься к толковому совету: «Ему бы только под суфлера работать!»

Успешно закончили первенство: «Вот что значит прислушиваться к мнению коллектива!»

Спустились в итоговой таблице на одну ступеньку ниже по сравнению с прошлым сезоном: «Загубил-таки команду, любитель! И какую команду!»

— ...А так, в общем, нормально, — улыбнулся тренер, — все как у людей.

— Тренеру что! — сказал заслуженный вратарь. — Хоть в фас, хоть в профиль, он тренер есть, тренером будет, тренером останется. А вот в нашем вратарском деле...

— Х о р о ш о б ы т ь в р а т а р е м! —

произнес популярный нападающий и мечтательно вздохнул.

— Да? — возмущился вратарь. — И это ты говоришь мне, человеку, который только в официальных матчах взял двадцать с половиной

одиннадцатиметровых ударов и сто восемьдесят угловых?! Который по своей вине пропустил в ворота всего-навсего пятнадцать мячей за всю биографию?! Хорошо быть вратарем?! Представьте себе мою жизнь: слева — штанга, справа — штанга, а над головою верхняя перекладина, которую почему-то нежно именуют планкой. И посреди не этого сооружения — я. Словно картина в рамке. Ну, предположим, беру трудный мяч. Что кричат болельщики соперников? А вот что:

— Разве это был удар? Воздушный шарик, и тот быстрее летит!

Взял одиннадцатиметровый без защиты (кстати, пока это слово выговоришь, можно пропустить пять голов!), а шептуны тут как тут:

— Такую пенку любой мальчишка возьмет, слабо пробито!

Тащишь коварнейший штрафной, срезался от стенки — тут же дается «оценка»:

— Так он видел, куда бьют! Не только приготовился, а еще анекдот успел рассказать фотокорреспондентам!

Если не взял одиннадцатиметровый, что иногда случается, сразу же крик:

— Дырка-дырища! Ему только бабочек сачком ловить!

Ну, а если не взял штрафного — был закрыт игроками, не видел, откуда бьют, то хоть уши затыкай:

— Если взялся травку щипать в воротах, то ходи на четвереньках! Разуй глаза! Очки надень!

Матч окончен, счет ноль-ноль:

— Все играли, как тигры. А вратарю нечего было делать — стой возле штанги, пей фруктовый сок. С такой защитой любой бы сухим вышел из ворот.

Если счет один-один, то уже другой разговор:

— Разве с ним выиграешь, с этим зевалой? Сколько раз по воротам стукнут, столько шариков он из сетки достанет. Спасибо соперникам — только один раз ударили.

Проигрыш с разницей в один гол:

— Правду говорят, что у этого вратаря вместо правой ноги протез. Видели: пока он его подвинчивал, и забили штуку.

Если включили в состав сборной:

— Его взяли как общественника — он активист ДОСААФа, ведет хоровой кружок, а его жена — модная портниха.

Не взяли в сборную:

— Слышали? Наш-то допрыгался — все в Париж, а он на базе в Малаховке остается.

Заслуженный вратарь оглядел присутствующих, одним махом опорожнил кружку кефира и сказал:

— А в общем и целом, конечно, хорошо быть нападающим!

— Хорошо быть нападающим?! —

воскликнул популярный форвард. — Да как у тебя язык повернулся сказать такое?! А еще старый друг! Сами посудите, товарищи: в эпоху

всеобщей футбольной грамотности вратарю живется очень мило, хотя бы потому, что он весь на виду: взял — не взял, пропустил — не пропустил, точно сказано: как картина в рамке. Ну, а нам, нападающим, каково? Выхожу на поле, кто-то из болельщиков соперника непременно свистнет:

— Опять этого мазилу вывели!

Получил пас, отдал в одно касание: «Мяча боится!»

Прохожу с мячом сам: «Не передерживай! Кидай Васе! Отдай Коле! Налево бросай! Направо! Навешивай!»

Получил пас, но потерял мяч: «Сапожник! Кривая нога!»

Отобрал мяч у соперника, его болельщики кричат: «Судья, давай штрафной! Дави хулигана!»

У меня отобрали мяч: «Держи руками, если ногами не выходит!»

Меня сбивают: «Балерина! На носках ходит, в Большой театр его!»

Я кого-нибудь случайно свалю: «Бандит! Долото! Вон с поля!»

Отпасуешь мяч своему вратарю: «Трус! Играть надо, а не шарики катать!»

Забьешь мяч: «Везунчик! Случайно ногу подставил! Добить мяч любой умеет!»

Навесил на ворота, ребята не сумели воспользоваться моментом: «Разве так вешают? Учиться надо!»

Проиграл борьбу за верхний мяч: «Привинти голову на другое место!»

Не догнал мяч: «Смажь протезы! Беги, как за пол-литром!»

Упустил выгодный момент для удара: «Опохмелись, а то ноги дрожат!»

Ударил мимо ворот: «Мазила! Очки дома забыл!»

Забил пенальти, прошу прощения, — одиннадцатиметровый удар без защиты: «Еще бы, один на один! Тут и ребенок забросит!»

Вот так-то, дорогие товарищи... из матча в матч, от свистка до свистка... Нет, уж если кому на поле хорошо, так футбольному арбитру...

— Хорошо быть судьей на поле?! —

— И вы попытаетесь меня в этом убедить! — расхохотался арбитр. — Вот вам пример — сегодняшний матч. Начнем по порядку.

Вызываю команды. Бросаю жребий. А уже кто-то из «доброжелателей» кричит с трибуны: «Проверьте монету! У этого судьи всегда одни решки выпадают!»

Назначаю свободный: «Штрафной надо! Не подсуживай!»

Назначаю штрафной: «Свободный надо! Не подсуживай!»

Силовой прием, футболист падает, все в пределах правил, игру не останавливаю; свист, шум: «Наших бьют! Дать судье по ногам — пусть поймет!»

Прогоняю посторонних — например, врача или массажиста — с поля: «А сам небось сразу в поликлинику ложится!»

Не прогоняю посторонних — футболист лежит на поле и ему оказывают помощь: «Базар устроил из матча! Заседание открыл! Дайте жалобную книгу!»

Боковой судья дает отмашку — я фиксирую положение «вне игры»: «Не было! Микроскоп возьми! Проверить судью на допинг — у него в глазах двоится!»

В меня попадает мяч: «Пасуй! Штрафуй сам себя! Ему только биллярные встречи судить!»

Отдвигаю стенку игроков на положенные девять метров: «Считать выучись до девятки! Руки прочь от мастеров!»

Удаляю игрока с поля: «Самого гнать надо! Судью с поля!»

Не засчитываю забитый из положения «вне игры» гол: «Судью на мыло! Не дури, домой не попадешь! О детях подумай!»

Даю пенальти: ну, тут уже не хватит даже словарного запаса Академического словаря русского языка, чтобы передать все, что я слышу... Да, велик и могуч язык болельщиков! Вот уж кому выгодно во время футбольного матча. Хорошо быть болельщиком — никакой ответственности, полная свобода крепких выражений, гуляй — не хочу!

— Хорошо быть болельщиком?! —

Ну, товарищи, это уж перебор! — обиделся болельщик. — Мы, честное слово, живем, как каторжные... Взять хотя бы, как сейчас сказал гражданин судья, сегодняшний матч... Вам-то что: предъявил постоянный пропуск, прошел на трибуну, в ложу.

Вариантов обычно на игру складывается два: или ты сидишь в окружении своих единомышленников, или среди врагов. В первом случае — нормально, во втором — трудно. Истинное чувство не скроешь, а за него очень просто можно склопотать по шее. Подружески, конечно, врежут, не так чтоб всерьез, но помнить будешь. И уже дальнейший срок сидишь тихо, никаких афоризмов не произносишь. До перерыва, конечно. А уж потом пробираешься к своим. Ну, а раз кругом свои, то начинается жизнь по первому варианту.

Теперь поймите душу болельщика. Как поется в песне: «Нам сверху видно все, ты так и знай». Им там, игрокам, судьям, на все наплевать — они мячик гоняют. А нам трудно приходится. Вас послушать, так во всем болельщик виноват. Но вы сядьте хоть разок на наше место. Вот, к примеру, обижают любимую команду. Крикнешь: «С поля хамов! Долой! На тушенку Ваську-ноголома!»

А снизу какой-нибудь тип эдак ехидно заявляет: «Ведите себя прилично!» Это мне-то, болельщику с тридцатилетним стажем! Да я, может, когда он еще в детсадик ходил, уже имел фотографию с самим Григорием Федотовым и автограф Боброва! Да-а, вот так... Бывает — сами знаете, мяч-то круглый — и наш игрок его не туда кинет. Конечно, не удержишься, выскажешь свое мнение по этому поводу:

«мазила» или там «вставь коленку», а то и совсем вежливо — «дурак», дескать, «балбес». И что вы думаете? Обязательно найдется какой-нибудь чистоплюй и начинает меня стыдить: «Не позволяйте себе лишнего, гражданин!» А? Каково? Душе-то моей больно от невысказанных слов, как вы думаете, а?

Тут на поле опять возникает ситуация: нашего снесли в штрафной, а этот тунеядец... гм... простите, я не вас имел в виду... судья, значит, не дает пенала, зажимает... То есть, по-вашему, по-официальному, не назначает пенальти. Это в такой момент, когда мы и без того ноль-один проигрываем! Что должен делать болельщик? Как один встать и выдать хоровой текст в адрес судьи. И опять на нас шипят, как змеюги, различные посторонние лица: «Куда смотрит милиция!»

Грубейшее нарушение футбольной демократии! Ладно, выдерживали не такие удары, переживем и этот. Послушайте, что дальше получается. Пашка забивает гол. Сравнивает счет. Мы выдаем: «Молодцы!», и, конечно, на радостях не прочь принять по сто граммов из имеющегося у одного из нас спецрезерва. Что же мы слышим?! «Здесь не распивочная!» Это еще мягко сказано, другой сразу в крик: «Алкоголиков вон со стадиона!»

До того иной раз запугают, что сидишь тихо, как немой, честное слово!

Теперь следующая картина: я прибыл домой, в любимую семью. Весь больной, во мне клеточки нет целой. А жена на меня смотрит, как постовой милиционер на алкоголика. Она уверена, что я на трибуне сижу, отдыхаю, удовольствие получаю. Ей бы пару-тройку раз так поболеть — сразу бы на инвалидность запросилась... Вот как в наши дни живет болельщик, дорогие граждане... Недаром говорится: «Легче всего футбольному мячу»...

— Нет, простите, — вмешался я, — уж если кому и достается зря, так это именно мячу. К примеру, срежется он с ноги, а игрок его сразу черным словом: «Черт бы тебя побрал...» Промажет игрок по мячу, опять же с себя вину сбрасывает: «Психованный какой-то нынче шарик попался...» Пробьет неточно: «Ах, чтоб тебя...» — и так далее, оба тайма... К тому ж следует учесть, что избивают его, беднягу, да еще ногами все девяносто минут, разве это легкая жизнь?

Все со мной согласились, тем более что кефир кончился и была пора идти по домам.

Так кому же все-таки в футболе приходится легче всего?

ПЕРВЫЙ ПРИЗ

Заводской поселок, расположенный на склоне горы, был расцвечен радужными гирляндами лампочек, сверкал, словно его усыпали блестками. А на самом верху, над зданием Дома культуры, горела золотисто-рубиновая звезда.

Юбилей республики бригада встречала у прессовщика Юсупа Газикулова. Несколько дней назад бригада Турсунали абсолютным большинством голосов постановила позвать меня на праздник в их компанию. В цехе меня давно уже считали «своим», и я очень гордился этим.

Воскресным вечером я шел по улице, между шеренгами празднично освещенных домиков. Вокруг меня, куда ни глянь, вели хороводы яркие афиши:

ПРАЗДНИЧНЫЙ КОНЦЕРТ В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ

Гость — Ансамбль «Скупняры»

!!!БАЛ-МАСКАРАД!!!!!!

ЗА ЛУЧШИЕ КОСТЮМЫ — ПРИЗ — ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР

ДЖАЗ — ТАНЦЫ — ИГРЫ

«Интересно, кто же получит телевизор? — подумал я. — Эх, если бы кто-нибудь из бригады Турсунали! Симпатичный был бы факт для будущего очерка! Обязательно надо будет о маскараде порасспросить у ребят!»

В квартире Юсупа и Гульчехры Газикуловых собралась вся бригада. Но тесноты не ощущалось — известно, что тесно бывает только тогда, когда гости не в радость, а сегодня здесь собрались близкие друзья.

После приветствий и нежных рукопожатий, во время которых моя ладонь хрустела, как снег в лихой морозец, я был усажен в кресло, глубокое, обширное и низкое, словно ванна.

— Ну, а ваше мнение каково? — спросила меня Гульчехра, синеглазая хозяйка дома.

Только тут я услышал наступившую в комнате тишину. На меня смотрели выжидающе. Турсунали лохматоголовый, большеротый — с ободряющей улыбкой. Гульчехра и Юсуп — настороженно.

Я начал усиленно соображать: чего же от меня хотят? Огляделся. Комната вроде в порядке. Вот разве только гости сидят несколько странно — лицами в одну сторону, как в кино. Я посмотрел прямо перед собой и увидел...

Он стоял на лакированной тумбочке, и на его голубоватом экране гипнотизирующе светились разноцветные буквы «ПРАЗДНИЧНЫЙ КОНЦЕРТ»!

— Гульчехра получила его в награду! — гордо произнес Юсуп.

— Первый приз за лучший костюм! — догадался я.

И тотчас же я понял, что сказанул нечто по меньшей мере лишнее: возбужденный гомон гостей сменился неудобной паузой.

— Зря вы вспомнили об этом, — натянуто улыбнулась Гульчехра.

— Да, в общем, конечно, ничего особенного... — промямлил Юсуп.

— Ребята! Так ведь наш друг ничего не знает про маскарад! — догадался Турсунали. — Он же не был у нас целых два месяца!

— Верно! — все еще не понимая, в чем мне нужно оправдываться, подхватил я. — Сегодня иду — кругом афиши, вчерашний маскарад рекламируют. Приз — телевизор! А я-то знаю, что Гульчехра никогда не пропускает ни одного маскарада! Вот и решил...

Все дружно заулыбались.

И пока на экране с завидным упорством продолжали светиться слова «Праздничный концерт», Юсуп рассказал мне историю про первый приз...

...Гульчехра решила быть на маскараде в костюме космонавта. Эта идея показалась супругам такой оригинальной и неподражаемой, что они твердо уверовали: первый приз достанется им, только им. Уверенность Юсупа приняла настолько осязаемую форму, что он накануне маскарада решил купить лакированную тумбочку — постамент под телевизор.

— Сегодня спрос на тумбочки! — доверительно сообщил Юсуп продавец единственного в поселке универмага. — Странно, между прочим. Обычно тумбочки хорошо идут, когда телевизоры прибывают. А тут и телевизоры кончились, а тумбочки — нарасхват!

— Кто их... того... нарасхват? — почуя недоброе, спросил Юсуп. — Конкретно не помните случайно?

Продавец не заставил себя просить: он работал в магазине со дня основания поселка и знал всех. Через пять минут Юсуп взвалил тумбочку на спину и, держа ее за ножки, как баранью тушу, зарысил домой, повторяя:

— Самиг... Матмуратов... Веревкин... Шнеерзон... Низам... Джурахон...

Прохожие изумленно останавливались, но Юсуп мчался по улице бормоча, как молитву, фамилии конкурентов.

Гульчехра домой еще не пришла. Установив тумбочку на давно облюбованное место, Юсуп озабоченно оглядел лежащие на тахте заготовки для будущего космонавтского костюма.

— Тумбочки заготавливают! — усмехнулся он. — Ну, посмотрим, кто кого!

И он выбежал из дома.

Первые двое — Самиг и Шнеерзоны — сразу же отпали: один готовил костюм звездочета, другие — царя морей Нептуна.

«Дудки! — радостно подумал Юсуп. — За звездочета и Нептуна больше третьей премии не дадут!»

У Джурахон, одной из самых красивых девушек поселка и лучшей гимнастки завода, шлем космонавта был уже почти готов.

В углу комнаты предательски поблескивала тумбочка.

— Знаешь, Джурахон, к нам на маскарад прибывает самолично Герман Титов! — сказал Юсуп. — Да, да. Только что сообщили в завком. Пока держат это в тайне, а то Дом культуры разнесут — на всех же в нем места не хватит!

Через несколько минут, когда, взволнованная таким радостным известием, Джурахон немного успокоилась, лукавый Юсуп продолжал:

— А вдруг твой костюм не понравится космонавту? Товарищ Титов скажет: «В таком костюме вам, девушка, не в космос лететь, а цветочки на лугу собирать и то неудобно». Эх и опозоришься ты!

— Это чепуха! — задумчиво проговорила красавица Джурахон. — Но он меня из-за шлема рассмотреть как следует не сможет... обидно... Знаешь, Юсуп, я передумала. Буду не космонавтом, а парашютисткой!

И Джурахон тотчас же энергично начала перекройку и перелицовку. А Юсуп, хитро подмигнув тумбочке, заторопился дальше.

Из пятнадцати покупателей тумбочек десять готовились к маскараду. Кроме Джурахон, лишь еще двое — Матмуратов и Соня из заводоуправления — выбрали для получения телевизора «космический» путь.

С массивным Сабиром Матмуратовым — красой и гордостью заводской секции бокса — Юсуп справился легко. Победа обошлась ему всего-навсего в пятьдесят копеек: ровно столько, сколько стоила выкройка комбинезона для мотоциклистов, которую Юсуп купил в универмаге.

— Космонавтом обряжаешься? — спросил Юсуп Сабира, наблюдая, как миниатюрная жена Сабира, взгромоздившись на стул, приметывает плечо будущего костюма.

— Как видишь! — пробасил Сабир, а жена утвердительно закивала головкой: из ее губ веером торчали булавки, и она не могла произнести ни слова.

— Эх, что ж ты мне не сказал! — сочувственно вздохнул Юсуп. — У меня дома есть выкройка подлинного костюма космонавта! Мамаша Юрия Гагарина дала. Ездил к ней один мой дальний родственник, едва выпросил. Сейчас я тебе выкройку принесу!

Через несколько минут Юсуп снова появился в доме Сабира.

Сабир с женой, расстелив на тумбочке куски кроя, начали колдовать над ними, восхваляя Юсупа на все лады.

— Это не особенно красиво, — говорила жена, — но зато подлинный костюм Гагарина!

— Ну, желаю успехов! — покосившись на мощные кулачища Сабира, простился Юсуп.

Третьего «космонавта» — Соню из заводоуправления — девушку очень кокетливую и модную, Юсуп обвел вокруг пальца совсем легко.

— Соня-хон, я тебе достану настоящий космонавтский материал для костюма, — сказал он. — Сам материал — это уже готовый первый приз! Он сверкает, будто в него вставлены лампы, светится, словно пропитанный солнечными лучами! Представляешь, Соня-хон? Ты в нем ослепишь всех!

— Ах! — мечтательно вздохнула Соня, садясь на телевизорную

тумбочку. — Как бы это было колоссально! Блеск! А ты правда можешь достать такой материал?

— Конечно, завтра утром все будет в порядке! — приложил руку к сердцу Юсуп. — И даже не материал, а готовый костюм! Со спецбазы.

Так как прежде Юсуп в словесном лихачестве замечен общественностью не был, то Соня ему поверила на все сто процентов.

— Значит, на балу я буду лучше всех! — воскликнула Соня. — Когда ждешь настоящего космического шелка, то на эту ерунду смотреть невозможно! — И она ногой отпихнула грудку красивых лоскутьев.

Расчет Юсупа был прост: завтра утром он скажет Соне, что костюм достать невозможно — видимо, готовится новый массовый запуск космонавтов, и на базе не осталось ни одного лишнего скафандра.

Соня уже не успеет приготовиться к маскараду! Тумбочка ее останется пустой!

Вернувшись домой, Юсуп закружил Гульчехру по комнате:

— Телевизор будет наш, будет наш, будет наш!

— Как ты догадался? — серьезно спросила Гульчехра. — Как ты узнал, что я буду не Космонавтом, а Ракетой?

— То есть как... ракетой? — опешил Юсуп. — Почему ракетой, а не капитаном подлодки «Северянка»? Или поваром атомного ледохода? Пожалуйста! Хоть выпелом на Луне! Или Венерой Милосской! Я целый день бегаю по поселку, обеспечиваю ей первое место именно в костюме космонавта, а она подкладывает мне свинью!

Разумеется, Гульчехра тут же заставила супруга выложить всю подноготную. Разумеется, Юсуп тут же помчался по всем «космонавтам» просить прощения.

Да еще хлебнул дополнительно позора на самом маскараде: в разгар танцев Гульчехра вывела мужа к микрофону на эстраде.

— Расскажи всем, что ты вчера в поселке вытворял! — приказала она.

Пришлось Юсупу публично, во всех подробностях рассказать о своей борьбе за телевизор.

А Гульчехра поправляла его в самых «острых» местах, когда у супруга намечалось некоторое отклонение от жизненной правды.

Им даже хотели было вручить приз за лучшее из заводской самодеятельности выступление.

Но когда выяснилось, что все рассказанное было, то даже музыканты джаза, народ опытный, многое на свете повидавший, и те чуть не попадали от смеха со своих музыкальных креслиц...

... — Но первый приз, как я вижу, вы все-таки получили! — сказал я, кивнув на телевизор, где все еще красовалась многообещающая заставка «Праздничный концерт».

— Да что вы! — отмахнулась Гульчехра. — Я даже костюма на маскарад себе не стала шить. Дорогой муженек всю охоту к балу отбил. Так и пошла в обычном платье.

— Откуда же тогда наградной телевизор? — продолжал я допрос.

— Гульчехре его вчера вручили как лучшему передовику завода! — произнес с гордостью Толя. — Она ведь работает уже в счет будущей пятилетки!

— А кто же получил вчера телевизор за лучший костюм? — попытывался я.

— Да никто, как обычно, — объяснил Турсунали. — Наш завком перенял дурацкую манеру у жюри литературных конкурсов: первой премии не присуждать. Так до сих пор телевизор неразыгранный стоит. Вот, может, к Первому мая Гульчехра какой-нибудь выдающийся костюм изобретет.

— Зачем же нам второй телевизор?! — удивилась Гульчехра.

— Так этот, кажется, уже испортился, — грустно сказал Турсунали. — Ведь полчаса вместо концерта показывает только слова «Праздничный концерт»!

И тут телевизор, словно желая доказать, что он вполне годен к службе, загремел оркестром, надоевшие слова исчезли, начался долгожданный концерт.

ГУБЫ РЕБЕНКА

Рассказ из цикла «Неочевидное вероятное»

Супруги Андросовы с превеликими предосторожностями привели своего единственного сына, трехлетнего Коленьку, в клинику знаменитого педиатра академика Хитарова.

Упитанный карапуз был оживлен и беззаботен, а взволнованные родители, наблюдая за ним, беспокойно вздыхали и многозначительно переглядывались.

Три года Коленька рос и развивался вполне нормально, как и положено ребенку, у которого отец — доктор наук, мать — кандидат, а бабушка с дедушкой — доценты с тридцатилетним стажем: целые дни он был среди взрослых и хочешь не хочешь слушал научные разговоры родителей, родственников, их коллег. Но последние три недели в поведении Коленьки стали замечаться некоторые странности.

Бабушка-доцент даже обрадовалась:

— Похоже, он начал выходить в вундеркинды.

Ясно улыбаясь, Коленька среди обычных для его возраста «зачем» и «почему» стал вдруг огорошивать гостей такими разговорами, что все только руками разводили да посмеивались.

Например, одного известного физика-теоретика Коленька ошарашил лекцией о том, как управлять гравитацией, и даже начал писать на листке, на котором только что рисовал кораблик, какие-то сложнейшие формулы. Разумеется, теоретик обратил все в шутку, засюсюкал и подарил карапузу привезенный с очередного симпозиума набор жвачек.

Гости смеялись, а Коленька скомкал бумагу с формулами и ушел на кухню, к бабушке, за своим любимым клюквенно-брусничным киселем.

«Взрывы вундеркинизма» повторялись регулярно.

Доктора наук онколога Чуняева Коленька очень повеселил своим заявлением:

— Дядя доктор, а я знаю, как бороться со злокачественными

опухолями! Я знаю общее решение проблемы для всех видов подобных заболеваний, а проще сказать — универсальный рецепт...

Полвека отдавший онкологии Чуняев сперва охнул, а потом, приняв все за милый розыгрыш, погладил малыша по вихрам и долго, до слез смеялся.

— Это надо же, — утирая лицо приговаривал Чуняев, — ну учудил, брат... Дед небось подучил, а? Развеселили старика... ох!

А модного биолога Илларионова Коленька озадачил вопросами об индивидуальном бессмертии:

— Режимы, диеты, физические нагрузки, стрессы, износ организма — это частности! Само же решение проблемы физического бессмертия довольно примитивно в своей сути. Оно лежит на поверхности. Почему-то никто не обращал внимания на деятельность такой железы, как...

Но тут уже давно начавший хихикать Илларионов до того развеселился, что даже выронил бокал с боржоми.

— Ой, ой! — стонал он. — От горшка два вершка, а уже все знает! Дай бог нам эту проблемку всем научным скопом решить этак лет через сто... А он... ой, не могу... ой, держите меня, помру со смеху...

Таким же фиаско закончились Коленькины попытки растолковать академику Максимова, что теория относительности Эйнштейна справедлива только для галактик типа Млечного Пути и что во Вселенной есть множество антигалактик, в которых частицы движутся быстрее скорости света.

Член-корреспондент трех академий Буланов упал, сраженный припадком гомерического хохота, когда Коленька вполне профессионально пытался объяснить ему структуру атомного ядра и ряд внутриядерных секретов.

А генетик Озерский, услышав от Коленьки принципы управления наследственностью, многозначительно покрутил пальцем у виска и молвил:

— Переутомили ребеночка гости да родители, факт! Дите понаслушалось взрослых разговорчиков — у него салат в голове! Деду Хитарову его нужно показать немедленно. Я ему позвоню!

...Хитаров был похож на Деда Мороза — седая веселая борода, озорные глаза, мясистый, широкогрудый — и сразу же располагал к себе малышей.

— Не суетитесь, не волнуйтесь, — глядя в ясные Коленькины очи, утешил Хитаров родителей. — Ребеночек ваш хоть куда, отборный карапуз... Впечатлителен не по годам, это понятно, взрослая среда, эпоха акселерации, опять же передачи для взрослых, кино, которое «до шестнадцати лет», радио... Небось в квартире больше научных журналов, чем детских книжек, а?

На планете 7-АБС звездной системы ШГ-1 в галактике ЭЦ/Б-1 шло очередное заседание Высшего Совета.

И когда последняя проблема — как заселять необитаемую планету, недавно обнаруженную в звездной системе ММЛ-21, была решена, Ведущий сообщил:

— Прошу извинения у членов Совета. Внеочередной вопрос, мелочь, но откладывать его нельзя. Наш посланник из галактики 99-ПР, звездная система 1/9-Ш, планета З-СУХ, которую сами ее обитатели называют Землей, только что передала экстренное сообщение. Напоминаю: мыслящие существа Земли давно наблюдаются нами. Они в большинстве своем трудолюбивы и любознательны. Было принято решение об оказании помощи в ускорении развития земной науки. Но ввиду недоверчивости землян и их странного желания все познавать на собственном опыте наш посланник на первых порах потерпел неудачу. Личные его контакты с землянами ни к чему не привели: ему не верили, его даже боялись, десять раз лишали свободы, шесть раз убивали. Тогда он начал искать другие каналы, по которым бы информация беспрепятственно дошла бы до землян. Он доложил свои предложения, и мы одобрили операцию «Губы ребенка».

— Простите, но я в то время улетал на Х-89 и не знаю ничего об этом, — сообщил один из членов Совета.

— Земляне, как правило, очень любят своих детей и воспитывают их до определенного возраста в семье, дома, — пояснил Ведущий. — Маленькие дети считаются существами правдивыми, искренними. Об этом на Земле много пишется и говорится. Более того, у землян существуют даже определенные научные выводы по этой проблеме, так, например, никто у них не оспаривает аксиомы «губы ребенка произносят только правду». На их языке это буквально звучит так: «Устами младенца глаголет истина»...

— Простите, — прервал Ведущего один из членов Совета, — а не доказывает ли данная земная истина, что именно по этому каналу, то есть через ребенка, землянам уже была передана однажды какая-то инопланетная информация?

— Возможно, но не будем сейчас обсуждать этой гипотезы, время очень дорого, — продолжал Ведущий. — Итак, наш посланник выбрал ребенка, семья которого, по всем данным, была вполне подготовлена для того, чтобы воспринять ряд простейших истин, познанием которых земляне сейчас заняты. Ребенок оказался хорошим передатчиком, но не был понят ни одним из ученых-землян. Видимо, мы поспешили со своей научной информацией — цивилизация землян и их уровень науки еще к ней не подготовлены. Посланник просит

разрешения немедленно прекратить эксперимент и вернуться на родину. А лет через пятьдесят мы, может быть, повторим опыт.

— Простите, но почему вы так настаиваете на особой срочности этого вопроса? — спросил старейший из членов Совета.

— Родители решили, что их сын заболел, и в данный момент его начинают лечить... Ребенок не должен пострадать из-за нас.

— Немедленно прекратить эксперимент! — единодушно решили члены Совета.

— Я уже передаю это решение посланнику, — сообщил Ведущий.

* * *

— Ну, Коленька, — ласково глядя в глаза карапузу, сказал Хитаров, — а мне ты ничего не хочешь рассказать?

— Отчего же, — охотно согласился карапуз, смело выдерживая взгляд академика. — Знаете ли вы, как решается проблема совместности при пересадке любых органов от одного человека другому? Нужно приготовить раствор, формула которого...

Тут губы Коленьки вдруг как-то странно дрогнули, он покрутил головой, словно отгоняя мух, и сказал капризно:

— Хочу к бабушке... киселя хочу...

— Ну, вот! — радостно произнес Хитаров. — Мой метод косметического гипноза всегда делает чудеса! Поверьте, мальчик выбросил из головы всю эту научную окрошку! Я сам видел, как этакое что-то блеснуло в его глазенках — губы дрогнули как-то странно, и сразу же — слышали? — он попросил киселя! Не давайте ему смотреть взрослые телепередачи вроде «Очевидное невероятное», «Человек и закон» или «Здоровье», спать кладите не позже двадцати пятнадцати... Желаю успеха!

...Хитаров стоял у окна кабинета и смотрел, как счастливые Андросовы ведут своего Коленьку через сад к выходу из клиники.

«Любопытно все-таки, какую формулу он хотел мне назвать? — с сожалением подумал академик. — Впрочем, что толку в детских фантазиях!»

И, обращаясь к ассистенту, сказал:

— Попросите следующего!

ШАХМАТНАЯ НОТАЦИЯ

Шахматная нотация — это совокупность условных знаков, применяемых для записи шахматной партии. Каждая клетка шахматной доски имеет свое определенное обозначение, и, если вы двигаете ну

хотя бы пешку с поля е2 на два поля вперед, то записывается этот ход так: е2 — е4. Первым всегда указывается ход белых, затем — черных, предположим: конь в8 — с6. Это дело довольно простое, и шахматную нотацию знает любой начинающий игрок.

Роберт Лодочкин славился на всю школу № 19 рассказами о своих спортивных подвигах. Особенно он любил распространяться о знакомствах среди чемпионов и рекордсменов. Брат Роберта, Лодочкин-старший, работал фоторепортером спортивной газеты и поэтому не пропускал ни одного мало-мальски значительного соревнования. Роберт всегда увязывался за ним. Лодочкина-младшего интересовали не рекорды и достижения, а фотографии. Больше всего на свете он любил сниматься вместе с известными спортсменами. Брат среди прочих снимков всегда ухитрялся сделать такой кадр, на котором Роберт отчетливо просматривался среди рекордсменов и медалистов.

Так, например, во время чемпионатов страны по шахматам и матчей на первенство мира школьные любители шахмат просто умирали от зависти, взирая на фотографии, где Роберт пил томатный сок, стоя рядом с Талем, или подавал Каспарову ферзя, оброненного во время сеанса одновременной игры.

И пожинать бы Лодочкину-младшему до сей поры лавры своей спортивной славы, если бы не подвела его... шахматная нотация.

Масштабы соревнования не могли идти в сравнение даже с чемпионатом Малаховки: шел всего-навсего матч на 20 досках между школами № 8 и № 19.

Роберт взял на себя обязанности организатора соревнования. Возле каждой из шахматных досок родной 19-й школы он положил свои «гроссмейстерские» фотографии.

— Для «психической атаки»! — пояснил он. — Знай наших!

Только ребята сели за игру, как пронеслась весть: в учительской комнате тоже идет дружеская схватка — между двумя директорами школ.

— Выиграет наш Иван Иванович! — уверенно говорили шахматисты 8-й школы.

— Спорим, что наш Иван Никифорович поставит мат вашему Иван Ивановичу! — предложила 19-я школа.

— Пусть победит сильнейший, — мудро сказал очкастый мальчик, «первая доска» 8-й школы. — Но интересно было бы иметь запись этой партии. Товарищи, кто проникнет в учительскую и сделает нотацию?

— Лодочкин! — дружно закричали все. — Он с Талем соки пьет, Каспарову ферзей подает!

— А что ж, — сказал Роберт, — проникну и запишу. Очень даже просто. Вы тут играйте, не волнуйтесь, положитесь на меня.

Он вошел в учительскую и очень вежливо от имени шахматистов двух школ попросил разрешения у директоров присутствовать при игре. Ему разрешили при условии, что он будет сидеть тихо. Роберт разложил бумагу и принялся записывать партию.

...Турнир уже закончился победой 19-й школы со счетом 12:8, а директора все еще играли.

Наконец из учительской вышел усталый Роберт, неся два исписанных с обеих сторон листа бумаги.

— Ничья, — сказал он, отдавая запись очкастому мальчику, «первой доске» 8-й школы. — На 38-м ходу!

— Так, посмотрим, — сказал «первая доска». — Иван Иванович очень любит Каталонское начало... или дебют Рети... Ничего не понимаю! Где же запись?

— Не знал, что в вашей школе имеются неграмотные ученики, — гордо сказал Лодочкин. — Мою запись свободно прочтет любой первоклассник, который знает буквы.

— Посмотрите-ка, ребята, — растерянно произнес «первая доска», — что тут написано!

Юные шахматисты сгрудились вокруг листков с записью, и через минуту в зале раздался смех, такой громкий, что от него попадали фигуры с досок.

Вот как «друг» гроссмейстеров записал партию:

Белые: Иван Иванович

Черные: Иван Никифорович

1. Вот так-с...
2. Только после вас...
3. Пешки — не орешки.
4. Шахнем для начала.
5. Так-с, так-с...
6. Шах.
7. Еще разок, еще раз...
8. А вот так?
9. А так вот?
10. (см. ход 3)
11. (см. ход 5)

- Начнем, благословясь.
Уже страшно.
Пустякесы.
Люблю коня в начале мая.
Гм... гм...
(Молчание)
От этого не умирают.
Тем более.
Сколько угодно!
(см. ход 5)
(см. ход 3)

Так были записаны все 38 ходов. И в конце стояло: «НИЧЬЯ».

Когда из учительской комнаты, привлеченные бурным весельем, вышли оба директора, то Роберта в зале уже не было. В этот вечер он больше так и не появлялся. «Психические» фотографии разобрали — на память! — участники матча.

— Ох, и ругаться же будет Лодочкин! — сказал кто-то. — Он эти фотографии знаете как бережет?

Но, странное дело, на следующий день Роберт пришел в школу и о фотографиях даже не заикнулся. А когда ему о них напомнили, он сказал:

— Не интересуюсь! Времени нет! — и демонстративно раскрыл учебник для самбистов-заочников.

ЕЛКА С БЕЛКОЙ

Чем ближе к новогоднему базару, тем чаще попадаются навстречу елки. Елки медленно движутся над головами прохожих, словно не их несут, а они сами шествуют по городу по своим лесным делам.

Яркие щиты «Елка в цирке! Ребята в гостях у Деда Мороза и Юрия Пряткина!» были установлены на каждом углу. Из-за высокой шапки Деда Мороза выглядывала смешная физиономия клоуна Пряткина. Клоун подмигивал так весело и задорно, что если бы у Гриши были деньги, он немедленно купил бы билет в цирк. Но сразу всего купить нельзя — это Гриша знал отлично. Вот после того как папа купит елку, тогда уж можно будет заговорить и о цирке.

На новогоднем базаре покупателей было больше, чем елок. Оставалось всего два дня до праздника, и все спешили украсить свои комнаты. С каждой минутой елок становилось все меньше и меньше.

Гриша готов был взять любое деревце — ему все они нравились. Но папа разбирался в елках, словно он всю жизнь прожил в лесу.

— Эта и до Нового года не достоин, осыплется, — уверенно говорил он.

— А эта выглядит как мокрая кошка... Наверное, она лежала внизу, когда деревья везли на базар.

— Здесь сучьев мало. Придется втыкать в ствол ветки — иначе не украсишь.

Послышались крики. Толпа покупателей колыхнулась.

— Что случилось? — посыпались вопросы. — В чем дело?

— Белка... Белка откуда-то выскочила!

— Страхивай ее, страхивай!

— Вон она, видите, перескочила?

Действительно, по прислоненным к стене елочкам озорно прыгал серый пушистый комочек. Белка не боялась людей. Она смотрела на них, задорно шевеля хвостом, потом, распластавшись в воздухе, перелетала сразу через пяток деревьев.

Появились двое школьников с сачками для ловли бабочек, будто ребята заранее знали, что им придется гоняться за белкой.

— Чья она? — спросил Гришин папа у одного из школьников.

— Ничья, — ответил тот. — Мы ее в зооуголок поселим!

И, воинственно взмахнув сачком, кинулся на помощь товарищу. Белка словно играла с ребятами. Она даже не торопилась удирать от охотников и с интересом следила, как к ней приближается пасть сачка. И только в последнее мгновение, ударя хвостом по сачку, прыгала куда-нибудь в сторону. Это очень сердило мальчиков, и они то и дело, забыв о белке, принимались ссориться, обвиняя друг друга в очередной неудаче.

Деревьев на базаре становилось все меньше. Одна за другой елочки уплывали в ворота.

Белка исчезла.

Ребята с сачками набегались до того, что уже едва передвигали ноги. В последний раз покричав друг на друга, они пошли домой.

Когда в продаже осталось всего несколько елок, белка вновь появилась. Она уселась на верхушку одного из деревьев и принялась вертеться во все стороны, как флюгер.

— Папа, подождем, пока все уйдут, — сказал Гриша. — Купим последнюю елку. Тогда и белка нам достанется.

— Хорошо, — согласился папа, подошел к большой елке и сказал продавцу: — Мы покупаем это дерево.

— Почему же ты решил, что оно останется последним? — испуганно спросил Гриша. — А вдруг белка перепрыгнет к кому-нибудь?

— Раз уж мы купили елку, то теперь от нас и зависит, когда мы ее отсюда унесем, — ответил папа. — Захочется, до утра стоять будем! Белочка — видишь? — тоже не торопится с базара уходить.

А на базаре тем временем осталось всего с десяток деревьев.

Но лишь покупатель брался за ствол елки, чтобы унести ее, как белочка перескакивала на то деревце, которое еще не было куплено.

Вот осталось уже четыре дерева... Вот три... два...

В конце концов белочке пришлось прыгнуть на елку, возле которой стояли Гриша с папой.

— Граждане, — сказал продавец, — базар закрыт по случаю полной распродажи товара. Прошу освободить территорию...

Папа положил елку на плечо и двинулся к выходу.

Гриша семенил сзади и все время спотыкался: он не отрывал взгляда от сидящей на верхушке белки.

Елка двигалась по улице. Мимо белки проносились штанги троллейбусов, перед самым беличьим носом зажигались огни реклам, но белка сидела смирно.

Веселые щиты с изображением подмигивающего клоуна Пряткина теперь были ярко освещены, и Гриша не удержался, ответно подмигнул клоуну: мол, я теперь тоже смогу приглашать друзей на елку. На елку с живой белкой!

Особенно страшно становилось Грише, когда навстречу попадалась другая елка. Гриша замечал ее издали. Вот она совсем близко, вот

ветви встречных деревьев на какое-то мгновение сцепились... А вдруг белочка возьмет да и перескочит на какую-нибудь встречную елку? Но белочка сидела спокойно и на другие елки не обращала никакого внимания.

Вот наконец и Гришин дом! Кажется, все обошлось! Правда, впереди еще лестница... Может, белки не любят, чтобы их носили по лестницам?

Когда вносили елку в парадное, то белка повела себя совсем подозрительно: она смело прыгнула на папино плечо и не слезала до тех пор, пока папа не вошел в комнату.

Дома появление белки вызвало переполох. Мама кричала, что белка побьет всю посуду, бабушка боялась за кружевные занавески...

Белка поразила всех: она вела себя вполне прилично, ничего не била и не рвала, никаких дебошей не учиняла. Ловко щелкая золоченые грецкие орехи, заготовленные для украшения елки, она сидела на облюбованном ею месте и с интересом наблюдала за жизнью внизу. А внизу шли последние приготовления к установке елки. Гриша тащил коробки с украшениями, папа приспособливал крестовину под ствол — чтобы дерево не упало. Мама распутывала электролампочки — шнуры и провода так перепутались, что превратились в клубок.

Затем Гриша позвонил всем друзьям:

— Приходите завтра утром, перед школой! У меня живая белка! Купили вместе с елкой!

Белка, освоившись на новом месте, повела себя совсем странно: она вдруг начала подбрасывать золоченый орех и снова ловить его — словно жонглировала им. Потом очень красиво перепрыгнула с одной башенки шкафа на другую, по дороге ловко перекувырнувшись в воздухе.

— Чудеса! — ахнула бабушка. — Как в цирке!

— Кстати, — сказал папа из-под елки, — Гриша, посмотри в сегодняшней «Вечерней газете», когда будет елка в цирке? Мне обещали билеты на нее!

— Ура! — радостно закричал Гриша и бросился к почтовому ящику на дверях.

Обычно Гриша возвращался с газетой тотчас же, но на этот раз он задержался в коридоре. Папе даже пришлось позвать его:

— Ау! Ты заблудился?

Гриша смущенно вошел в комнату. В газете зияла дыра.

— Я ее случайно порвал, — сказал Гриша. — Зацепил за лыжи.

— Не велика беда, — сказал папа. — Когда же открывается елка в цирке?

— Послезавтра, — сказал Гриша и, посмотрев на белку, вздохнул.

Весь вечер Гриша был очень молчалив и все время вздыхал.

Бабушка, испугавшись за его здоровье, заставляла внука есть мандарины и грозила поставить горчичники.

Белочка перебралась поближе к столу, села на спинку папиного стула и вежливо ждала, когда ей дадут какое-нибудь лакомство.

После чая папа читал газету. Мрачный и необычно молчаливый Гриша ходил вокруг елки, смотрел на белочку, горестно вздыхал.

Потом бабушка положила в корзину для бумаг лоскут старого ковра — получилось отличное гнездо. Белочка охотно устроилась в нем на ночлег.

— Ну, хватит вздохов да охов, — откладывая газету, сказал папа Грише, — докладывай, что тебя волнует.

— Я нарочно порвал газету, — пробормотал Гриша. — И лыжи тут ни при чем.

— Нарочно? — удивился папа. — Зачем?

— Объявление... вот... — Гриша разжал кулак и показал скомканный клочок газетной бумаги.

Папа взял бумажный комочек и разгладил его на ручке кресла.

«...Пропала белка. Просим нашедшего или знающего ее местонахождение сообщить дирекции цирка по телефону...»

— Что же ты думаешь делать? — спросил папа.

— Думаю... завтра позвонить, — печально сказал Гриша. — Утром ребята придут ее посмотреть... мы вместе и позвоним.

...Утром ребята пришли все сразу — видно, договорились войти вместе. Белочка показала все свои фокусы.

— Ее нужно сдать в цирк, — сказал Гриша. — Она беглая. Вчера в газете объявление было: сбежала, мол, кто найдет — позвоните. Только я его поздно прочел, а то бы вчера позвонил.

Ребята поглядели на Гришу восхищенно:

— И не жалко?

А Ленька из соседней квартиры признался:

— Я бы не позвонил... Такую белочку отдавать...

И, уловив осуждающие взгляды друзей, добавил:

— Выучил бы ее еще каким-нибудь фокусам, а потом обязательно позвонил бы...

Через полчаса после того, как Гриша сообщил администрации цирка свой адрес, в дверь постучали. Двое мужчин вошли в квартиру. Один из них — толстый и круглолицый — вежливо приподнял шляпу, а второй даже пританцовывал на месте от радости.

— Где вы ее нашли, юноши? — спросил толстый. — Чем вы ее кормили?

Не дожидаясь ответа на вопросы, толстяк продолжал:

— Не мучили ее? А как она спала? Давно она у вас?

А второй гость, увидев белочку, прищурился, присел, свистнул — и белочка вмиг перелетела через комнату и уселась ему прямо на макушку.

— Спасибо, ребята, спасибо! — крепко пожимая мальчикам руки, говорил гость. — Эту белку зовут Стрелкой. Она — знаменитая

актриса. Мы с ней вместе выступаем. Я — клоун. Пряткин, может, слышали.

И хотя живой Пряткин ничуть не походил на того Пряткина, который был изображен на афишах, но он так озорно прищурился, что все сразу его узнали.

— Приходите все к нам в цирк,— сказал толстяк.— Я администратор, я вас на все представления буду пускать.

— Еще раз спасибо! — сказал Пряткин.— Стрелка, поклонись отличникам учебы!

— Мы не совсем отлич...— начал было Гриша, но белка отвесила такой уморительный поклон, так шаркнула хвостом по плечу Пряткина, что все засмеялись.

— Ну, ждем,— уходя последним, сказал толстый администратор.— Привет! Веселого вам Нового года!

А бабушка ухитрилась сунуть белке два ореха — на дорогу.

СОДЕРЖАНИЕ

Необычайные приключения хорошо сшитого костюма	3
Цепная реакция	8
Чуткое отношение	12
Юмористические этюды	16
Ценный специалист	16
Слон и Моськин	17
Врачебная тайна	19
Одним пальцем	19
Условный рефлекс	21
Борец с предрассудками	22
О двух хитроумных взяточниках	25
Следите за отражением	26
Поощрители	28
Пятьдесят процентов	30
Догмы и маляры	37
Кому легче?	40
Первый приз	45
Губы ребенка	51
Шахматная нотация	54
Елка с белкой	58

Борис Авксентьевич ПРИВАЛОВ
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХОРОШО СШИТОГО КОСТЮМА

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 16.11.83. Подписано к печати 05.01.84
А 07303. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ.
л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,99. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 335. Заказ № 1775. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

УСЛУГИ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ ГРАЖДАНАМ ВОЗМОЖНОСТЬ НАДЕЖНО, ВЫГОДНО И УДОБНО ХРАНИТЬ СВОИ СБЕРЕЖЕНИЯ И СОВЕРШАТЬ РАСЧЕТНО-КАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ:

- принимают наличные деньги во вклады и выдают их по первому требованию вкладчиков. Получить вклад можно не только в сберегательной кассе, где вы состоите вкладчиком, но и в центральной сберегательной кассе данного города или района, а пополнить его в любой сберкассе страны;
 - производят зачисления на счета по вкладам перечисляемых предприятиями и организациями сумм из причитающихся трудящимся денежных доходов
 - производят по поручениям вкладчиков безналичные расчеты за квартиру, коммунальные и другие услуги как в разовом порядке, так и в течение продолжительного времени;
 - переводят вклады из одних сберегательных касс в другие;
 - выдают и оплачивают аккредитивы;
 - продают и покупают облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года;
 - выплачивают выигрыши по облигациям государственных займов и лотерейным билетам;
 - выдают расчетные чеки для расчетов населения с магазинами за приобретаемые промышленные товары стоимостью 200 рублей и выше;
 - выполняют ряд других операций.
- Сберегательные кассы к Вашим услугам!**

Правление Гострудсбернасс СССР